

ФИНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

СМЕНА

11

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Tempo marziale

A Vous sa- lut, Jeunes et Vaillants de France! Vos nobles é-lans, Frères, nous sont connus Nos coeurs à tous portent même espérance Chez nous, amis, soyez les bienvenus!

Vois, les Jeunes, en l'Union Soviétique, De leurs aînés partagent les efforts. De la Mer Noire aux bords du Pacifique, La terre en fleur nous comble de trésors!

Слова П. ЛЮКЭ
Музыка П. ТЕМЯШОВА

Автор слов песни «Добро пожаловать» Петр Люкэ — уроженец Франции. С 1926 года он гражданин нашей страны. Люкэ — поэт-переводчик, член Союза советских писателей. Его перу принадлежат также ряд учебных французского языка.

В последние годы П. Люкэ пишет песни для советских школьников. Песню «Добро пожаловать» он создал в сотрудничестве с П. Темяшовым, хормейстером 424-й школы Первомайского района Москвы. Эта песня с одинаковым успехом может быть исполнена как на французском, так и на русском языках. Ее разучивают школьные столицы, готовясь и предстоящему Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который состоится в будущем году в Москве.

A Vous salut, Jeunes et Vaillants de France!
Vos nobles é-lans, Frères, nous sont connus
Nos coeurs à tous portent même espérance
Chez nous, amis, soyez les bienvenus!

Que devant vous brillent nos camps, nos stades,
Où se mesurent Jeunes et Pionniers.
L'émulation forme les camarades,
Et nous unit des liens de Famité!

Voiez, les Jeunes, en l'Union Soviétique,
De leurs aînés partagent les efforts.
De la Mer Noire aux bords du Pacifique,
La terre en fleur nous comble de trésors!

Vers le savoir, les mines, les usines
Tous les chemins devant nous ouverts.
Nous les suivons, marchant au Communisme,
Dont l'aube en feu rénove l'univers!

A Vous salut, Jeunes et Vaillants de France!
Vos nobles é-lans, Frères, nous sont connus
Nos coeurs à tous portent même espérance,
Chez nous, Amis, soyez les bienvenus!

Привет тебе! Будь среди нас как дома,
Французского народа молодежи!
Твоя борьба нам издана знакома.
Ты здесь легко товарищей найдешь.
Вот лагеря, вот стадионы наши.
Здесь мы росли, мужая для труда.
Мы с каждым днем счастливей
и краше,
Мы связаны друг с другом навсегда.

Смотрите же, как в государстве
нашем,
От Черного до северных морей,
В любом труде мы помогаем старшим,
Чтобы земля цвела все зеленей.
Открыла все дороги нам отчина,
По кручам гор, за синие моря.
А впереди — эпоха коммунизма,
Для всех людей встающая заря!

Привет тебе! Будь среди нас как дома,
Французского народа молодежи!
Твоя борьба нам издана знакома.
Ты здесь легко товарищей найдешь.

Перевод с французского
П. АНКОЛЬСКОГО

На снимках: сверху — Париж с Эйфелевой башней. Фото Н. Грибачева. Внизу — Москва. Красная площадь. Фото А. Соргина.

Добро пожаловать!

Слова П. ЛЮКЭ
Музыка П. ТЕМЯШОВА

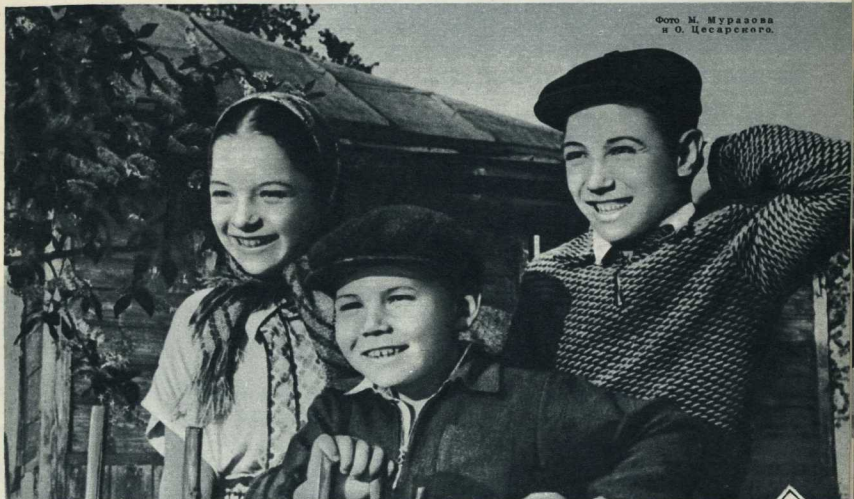

1 июня — Международный день защиты детей. О них, делющих только хорошие шаги в жизни, заботятся все народы мира. Защищая детей, они защищают свою молодость, свое будущее, свой завтрашний день. Пусть сияют, пусть поют и играют дети нашей планеты! На снимках, которые помещены на этой странице, запечатлено несколько эпизодов из жизни советских детей. Даже по этим частям, но характерным эпизодам можно судить о той атмосфере сердечности, которой окружено подрастающее поколение нашего народа. Для советских детей гостеприимно раскрыты двери школ, досрочки, театров. Народ отдал им лучшие уютности и санатории страны.

На снимках: 1. Интересная книга. 2. Стругая соседка. 3. Им явно нравится концерт

Фото М. Муразова
и О. Цесарского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

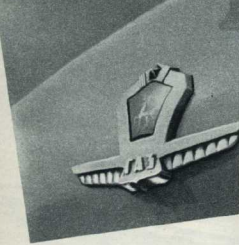
СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 11. 1956 год.

Год
издания
33-й

«ВОЛГА» ГОТОВИТСЯ В ПУТЬ

Фото В. Тюнкова

БЕГУЩИЙ ОЛЕНЬ

Стремительность, быстрота, изящество, легкость и благородство форм — все сосредоточилось в этой фигуре оленя, отлитой из металла.

Есть что-то значительное, даже символическое в том, что бегущий олень поставлен над радиатором новой легковой машины «Волга», которую готовят к выпуску Горьковской автомобильной завод. Ведь олень изображен на старинном гербе Нижнего Новгорода, правда, не такой — не стремительный, а статичный, застывший. А ныне он устремлен вперед, как бы опьяненная наше стремительное время, являя молодость, наш порыв в борьбе за технический прогресс.

Этому оленю предстоит исколесить немало дорог — и в Советской стране и за ее рубежами: «Волга» готовится в путь.

В нынешнем году завод должен выпустить тысячу автомобилей новой марки, а с 1957 года «Волга» пойдет на поток и полностью заменит работавшую «Победу», машину заслуженную и популярную.

Естественно, что «Волга» должна быть лучше «Победы» и по конструкции, и по ходовым качествам, и по красоте, и по экономичности, и по прочности, и по удобству вождения. Создать современную, высокую по классу и сравнительно недорогую машину — вот задача, которую решает сейчас многоотрасельный коллектив завода.

Хотя конструкция «Волги» утверждена, но в ходе испытаний опытных образцов перед конструкторами встают все новые и новые вопросы, возникают новые решения. Технологах, работниках лабораторий, модельщики, литейщики, инструментальщики, кузнецы паровых молотов, механосбор-

щики хотя бы в моторный цех № 2. Коллектив этого цеха в третьем квартале должен завершить плавн 1954 года и первого полугодия 1955 года по производству двигателей «ГАЗ-ММ» и запчастей к ним, а в четвертом квартале — подготовить производство двигателя для «Волги».

Вот почему переход на выпуск новой машины означает для авто-

зов автозавода, результат их раздумий, поисков, усилий.

Взгляните: вот стоит она у стены конструкторско-экспериментального отдела. Работат глаз совершенство форм, блеск металлических частей, двухцветная элитная окраска. И вперед! — бегущий олень.

Пока это единственный утвержденный опытный экземпляр «Волги». Но очень скоро на заводские ворота для другой пойдут новые машины. Начнется массовое производство.

Весенний день. Молодые конструкторы и технологи в свободный перерыв вышли на заводской двор. Настроение у всех отличное.

щины, кузовщики тоже ищут новые пути, находят их — и снова ищут.

Все, вернее, почти все, трудятся над «Волгой» (в производстве деталей новой легковой машины будут участвовать тридцать четыре цеха и отдела завода).

«Волга» владает умениями автозаводов. О ней говорят у рабочих мест, на собраниях и совещаниях, в обиходных и специальных. Транспаранты пересекают пролеты цехов: быстрее, время не ждет! Заводских радио, многотомных, стеногазет, «молнии» напоминают: надо торопиться, многожить усилия! Коммунисты и комсомольцы на специальных собраниях активно придирачно обсуждают ход подготовки производства, выносят в технику, в эконономику.

Сроки выпуска «Волги» приближаются, а работы неопытный край.

Организация производства «Волги» ни на миг не должна затормозить налаженный производственный ритм завода. С конвейеров один за другим сходят грузовики, «ЗИМы», «Победы», вездеходы «ГАЗ-59», санитарные машины — блестящая армия красками, шуршащая по асфальту резиной шип, быстроходная продукция Горьковского автозавода. И наряду с этим, параллельно, налаживается выпуск «Волги».

Чтобы яснее представить, что кроется под этим простым словом — «параллельно», достаточно

завоев и новый подъем производительности труда, и более совершенную организацию производства, и взлет технической мысли. Тут закономерно обнаруживаются и узкие места, и недостатки руководства, и всякие недочеты. С ними можно было кое-как мириться раньше — с ними надо решительно покончить сегодня, иначе трудно будет завоевать победу.

Новая машина — это как бы густок творческой, трудовой энергии тысяч и тысяч работни-

Итак, коллектив завода перешел в наступление. Возглавили его коммунисты и комсомольцы. Развернули большую агитационную и организаторскую работу, но прежде всего, разумеется, применили испытанные средства: личный пример.

Надо быть уж очень равнодушным, безразличным человеком, чтобы не подтянуться, когда видишь, что товарищи твой, смеялись, сосед по станку или чертежной доске, ушел вперед, перекрыл задание, придумал что-то новое, смистерил ползавшее приспособление. По его примеру ты начинаешь интенсивней трудиться, шевелить мозгами, мастерить, а там, глядишь, и дело пошло на лад.

В горячем, творческом соревновании достигается общий подъем, решаются сложные производственные задачи.

И тут заводской комсомол обращается к молодому рабочему, конструктору, инженеру с вопросом:

— А ты что сделал для того, чтобы быстрее выпустить «Волгу»? Один сделал больше, другой меньше, третий еще только собирается. По его примеру ты начинаешь и способностей. Но каждый стремится внести свой вклад.

Привычное понятие — трудовой вклад — становится особым измеряемым, когда в эти дни ходишь по цехам горьковского автозавода.

— И работать весело и жить интересно! — говорит комсомолка Роза Половинкина.

всё успевает делать Аркадий Крутов... Настоящий сиоростиник!

Влад Петра Целищева, белокурого юноша, что так сосредоточенно сверяет с чертежом изготовленную им модель, — выполнять нормы на моделях для «Волги» не менее чем на двести процентов.

Влад Аркадия Крутова, фрезерщика-сиоростиника, — пользуясь скоростными методами, обрабатывать на станке штампы в десять раз быстрее, чем это делалось раньше.

Молодой конструктор сектора режущих инструментов Николай Душин при первом знакомстве кажется чуть иррациональным, флегматичным — прямая противоположность говорливому Крутову. Но юношеского пыла в работе у него не меньше. Спросите у Душина, что он сделал для «Волги». Конструктор помолчит, подумает, ответит: «Пока немного». А погода расскажет о разработанных им чертежах оригинального приспособления для автоматической обточки многоступенчатых валов.

Что это даст? Сократит время обработки, высвободит оборудование. К тому же конструкция довольно простая, ее можно приспособить для обработки любой детали.

— Необходимо подчеркнуть, — говорит Душин, — что идея приспособления родилась в нашей лаборатории резания, а же только конструировался. — И он добавляет с мягкой, чуть смущенной улыбкой: — Пришлось, правда, попытаться. Месяца полтора провозился. Сейчас занят другим делом, тоже для «Волги». Но об этом пока еще рассказывать рано.

Настя Шилина — работница отделочного участка литейной № 2. Товарищи по цеху называют эту девушку универсалом. Она успешно выполняет любую операцию на участке, а их около тридцати. Выработка Шилиной доходит до двух норм в смену.

Среди молодежи Горьковского автозавода много таких отличных передовиков-производственников. Попробуй, перечисли имена лучших, когда один только комсомолец здесь больше девяти тысяч!

Сегодня эта юная армия ведет бой за «Волгу». Заводской комитет комсомола смело можно назвать штабом молодежного трудового наступления; он нашла хорошую форму и агитации, и мобилизации людей, и учета того, что они дали производству.

ПРОГРЕСС — ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД

В руках у Славы Моисеева, лекальщика, заместителя секретаря комсомольской организации цеха крепежа и прессформ, я увидел книгу, о которой хочу рассказать.

Книга солидная, с рисунками, формулами и чертежами, и называется она «Практика профильного шифрования». В ней чуждом опыт, накопленный на Горьковском автозаводе; отдельные главы посвящены описанию методов передовых лекальщиков — Еранова, Ковалева и других новаторов.

Полезное пособие, и нет ничего удивительного в том, что автор книги «свой, совсем свой, не только с автозавода, но даже вот отсюда, из нашего корпуса, Камышев Павел Александрович, инженер. Знаете?»

Да, я знаю этого седого спокойного человека с румяным мохноватым лицом. Знаю, каким уважением пользуется он в коллективе.

А знаешь ли ты, Слава, как жил и рос этот человек? Вот слушай.

Павел Камышев — потомственный нижегородский рабочий; двенадцати лет, едва окончив началь-

Сейчас с новеллера еще сходят «Победы». Но пройдет немного времени, и в этом просторном цехе засверкают эмалью машины новой марки — «Волга».

ную школу, он пошел в люди, стал работать по найму. Чего только он не делал! Даже трубы чистил на волжских пароходах, а за эту окаянную работу брались только с голотузи до с отчаяния. Потом подал на Сорново, обучился ремеслу, стал лекальщиком. Когда весной 1930 года на пусты-

ре за Нижним Новгородом был заложен фундамент будущего автозавода, Павел с группой сормовичей пришел на стройку. Воздвигал завод, а потом был послан в США, к Форду, за опытом. Вернулся — руководил леканальным отделением в инструментальном цехе. Перед самой войной без отрыва от производства окончил институт, получил диплом инженера-механика.

Вот она, красавица «Волга»..

Таковы в самых общих чертах веки жизненного пути инженера Камышева.

Жизнь неразрывно связанная с заводом и как бы знаменующая собой его постоянное, непреходящее движение вперед, к высотам технического прогресса. В те времена, когда автозавод выпускал газлики и «эмки», Камышев был леккащиком. Теперь, когда из ворот вылетают лакированные «ЗИМы», а на очереди красавица «Волга», инженер Камышев пишет книгу, конденсирует и свой опыт и опыт славных передовиков производства.

Вот с кого надо начинать жизнь, Славя таким людям, выдающимся Коммунистической партии, крепко автозавод.

Могут спросить: а какое отношение к теме этих заметок, посвященных рождению автомобиля «Волга», имеет инженер Камышев и его книга? Ответы: прямое, непосредственное.

Переход на выпуск новой автомашины служит организующим началом и для внедрения новой техники во все звенья производства. По-новому создается конструкция приспособлений, штампов, по-новому организуется работа в цехах. Отмести старое, отжившее, смело идти вперед — без этого не решить новой сложной технической задачи.

Вот почему техническая учеба тысяч и тысяч автомобилестроителей стала неотъемлемой частью подготовки производства «Волги».

Вот почему доклад инженера Гулева о развитии автомобильной промышленности в Англии (1954 г.), доклад инженера Брала в Доме техники только большую аудиторию. И доклад инженера Невзорова в цехе металлопокрытия, и доклад инженера Гулева в лекционном зале № 3, и многие другие специальные доклады в цехах, организующие Домом техники и посвященные «Волге», пользуются популярностью на заводе.

Не только доклады и лекции, не только передача опыта непосредственно на рабочем месте (от, к примеру, токаря Карпов сегодня показывает свой новый, высокопроизводительный метод нарезки винтов — подходы, приглядываясь и смеялись) — во многих случаях действуют специальные курсы по изучению конструкции и технологии производства автомобиля «Волга».

Заводской комсомол, помогая ускорить выпуск новой машины, естественно, взялся за развитие техникубы.

Иначе не достичь настоящего прогресса. А прогресс, как известно, есть движение вперед, совершенствование в процессе развития.

ДЕТСКАЯ ШУТКА

На длинном бумажном листе вынаживал контуры человека. Идет и нето высказывают слова: «общество», «общество»...

Художник, сосредоточенно орудуя кисточкой, спрашивает: «Сергея ты Клепиковна знаешь? В что-то не знаю, какой он из себя?». Карикатура, что сильней действовала, должна иметь сходство...

Сергея звет начальница участка Клепиковна, который нарушил все сроки ремонта вертикально-фрезерного станка. Инженка под

В заводском Доме техники. Группа молодых рабочих у автомобильного двигателя.

рукой художника приобретает некоторые черты сходства.

Тут же, примостившись на краешек стола, косая карандаш, токарь Роза Половинкина сочиняет стихотворную подлику. Ох, нелегкая эта работа! Спеться или там выступить на сцене — Роза не растеряется: но вот стихи писать — это чертовски трудно... Наконец под карикатурой возникает рифмованные строки, не очень складные, но зато быстрые прямо в цель.

«Молния», выпускаемая комсомольским контрольным постом, готова. Редакторы, художники, стихотворцы и просто болельщики грубой выходят из красной уголка, вывешивают и

*Заботливая
малышка!*

Вывешив своей номер сатирической газеты.

скромно отойдя в сторонку, поглядывая на творение рук своих...

На километры растянулись цеха Горьковского автомобильного завода. И повсюду — то тут, то там — пестрят красочные комсомольские «молнии», посвященные «Волге».

Задернув, волонкут, нерадивые — все на карандаш! Трави негодной, расчищая путь новой машине! И поддерживай все пяди редовое, каждый росток молодой инициативы, каждый пример творческого труда!

Благодаря «молниям» в цехах и отделах создается атмосфера постоянного общественного внимания к «Волге»; комсомольский контроль превращается в контроль всеобщий; самые широкие слои работников вовлекаются в борьбу за новое.

Не всегда, конечно, все происходит вполне гладко. Комсомольская отада заводного технолога пришлось, например, из-за монтажной для бензокосы повоевать с механиком корпусу Зуравлевым. Тнула и тнула от это дело. Сперва пробовали договориться по-хорошему. Не подействовало. Тогда выпустили «молнию». Но и это не помогло. Ну, тогда пришлось прибегнуть к сильнейшему оружию «кларета»: передал материал в «Колосчик конвектер» — сатирические красочные листки, что ежедневно вывешиваются у главной проходной завода. Тут уж не один участок или даже цех, а чуть ли не весь завод узнал про упругого механика.

Профбрат. Эх, и действительно это штука, комсомольская сатира! Теперь и некоторые командиры производства сами приходят к комсомольцам, просят: помогите, ребята, заверю...

Нарядчик, нерасторопный «молния» подгоняют, а передовики воодушевляют, делают их труд заметным, достижения зримыми...

«Привет тов. Юферову, досрочно изготовившему прессформу точного типа по машине «Волга», деталь 21-6905320. Товарищи моделинги Берите пример с передовича производства!»

Висит такая бумажный лоскут за твоей спиной у рабочего места, нет-нет, а взглянешь. И фамилия твоя — Юферов — красной выведена, и от людей почет. Надо ли говорить, как это здорово действует, поднимает трудовое настроение!

«Литейная № 3. В вышине под старыми конструкциями огромного цеха движется крана.

В дальнем углу над болшеушей формой спланились двое: трудятся самозабвенно, лишь изредка перекинутся словечком.

Познакомимся: формовщики Николай Илларионов и Владимир

Гладышев. Это они, эти двое молодых формовщиков, вызвались на днях собрать форму крупного семнадцатитонного штампа для производства «Волги». Взялись за работу, от которой отказался старый опытный формовщик Михаил Васильевич Вытлов. То ли струсил он, то ли цену хотевал быть не выгодно, выйдя, ему, расценки мала, — во всяком случае, раскрасничивался человек, думал, кланяться ему будут, упрямствовал. А мастаки собрались, да и предложи комсомольцам. На риск пошел, а вернее сказать, поверил в хитрую молодежь, в ее квалификацию и забор.

Не ошибся Леонид Васильевич Зубарев: несмотря на трудности, которые были, работа сдана в срок, сделана аккуратно. Вот и «молния» об этом говорит.

— Ну, а Вытлов, ваш «конкурент», он как реагировал? — Совсем разгневился. Стенд, говорит, стало, попросил перевести его в другой цех.

— Каковы же ваши планы, товарищи?

Гладышев оборачивается к Илларионову, а тот не очень уверенно отвечает: «Мы, что ухаживаем за ним, что ухаживаем?»

— В литее у нас можем любую работу делать.

Нет, он не хвастается. Он просто чертит в свои силы и в силы товарища.

Это очень хорошо, что участвуя в работе над «Волгой», молодые инженеры автозавода уверовали в свои силы, в свои способности и возможности.

Очень хорошо, что комсомольская организация завода, взяв светлую работу, старательно выводит новую автомашину «Волга», поставила перед каждым молодым человеком какую цель.

Конкретное дело — к нему заглянуть в глаза, товарищ, стоит за кулямном, станочник отбачивает деталь, испытатель выводит машину в пробный рейс — каждый стремится внести в работу что-то свое, творческое. Ну, товарищ, раскрасни-ка умом, подумай, предложи. Глаза загорались, сердце бьется учащенно, по лицу пробегает милейшая улыбка. А если сделать так? Попунисся, конечно, полунисся...

Вот оно, радость творческого труда!

Большая дорога большого автомобильного завода. По асфальту идут вереницей грузовики, в кузовах которых установлены безмятежные кузовы будущих «Побед». Их увозит на сборочный. Прочадала кавалькада брехлх санитарных «ЗИМов» — они проходят последнюю обкатку. Бегут самовольно по строительным материалам, грузавшим со станками, орние катки и маленькие автокары с прицепами снуют повсюду, развозя в цеха детали, полубракеты, инструменты...

Шум. Движение... Скоро в этот пейзаж влетят новые краски, в автомобильной «голове» появится еще один собор — с маркой ГАЗ. С мяшицами оленем над радиатором. Скоро «Волга» выйдет в путь...

А в конструкторско-исследовательском отделе, этой святыне завода, на листах атакуна, в гипсе и в моделях уже рождается очертания новой, еще более совершенной машины, той, которая придет на смену «Волге».

Г. Горький.

ДИПЛОМАТ

Рассказ

Полдень. По людной и шумной улице, размазанная сучкой, неторопливо шагает шестиклассник Никита Огурцов.

На вид ему никак нельзя дать двенадцати лет. Он мал ростом, но толстоват. В классе его знают «бочком», у Никиты круглое, доходящее до губы, остывшее отапливанием немногое лицо, что издали всегда кажется, будто он собирается засыпать. Пальто у него застегнуто только наполовину, шапка съехала набок, а лицо выражает самое благодущное настроение.

Никита бредет из школы домой медленно, читает даже знакомые вывески сначала прямо, потом наоборот: аптека — аптека, почта — аптека... Это занятие ему, очевидно, нравится. Неважно выпал первый снег, и улица от этого кажется шире и просторнее, чем всегда. Воздух необыкновенно чист и прозрачен. Ноябрьское солнце висит невысоко, но светит ярко. Снег сверкает миллионами ослепительно блестящих точек, так что становится больно глазам, и люди, так же, как Никита, жмурятся, улыбаются, радуясь первому снегу.

Улица полна знакомых шумов. Резко гуляет автомобиль на перекрестке, веселыми звонами переключаются трамваи, но в чистом морозном воздухе к знакомому шуму примешиваются новые звуки: «Скрип-скрип-скрип», — это первый снег шуршит под ногами прохожих. Пришла зима!

Волде громадной ветриной, над которой блестят золотыми буквами вывеска «Спортвары», Никита, как всегда, замедляет шаги и прежде всего кидает быстрый взгляд в правый угол, туда, где лежит прометей его давнишних мечтаний — богемные ковьяки.

Никита долго стоит, рассматривая стальные лезвия ножек, и мечты уносит его далеко-далеко. Видит он себя на новых ковьяках, разрезавших гладкий лед. Все мальчишки и даже сам капитан хоккейной команды звалят его попкуку.

Никита вспоминает, как папа, просматривая школьный дневник, похвалял его за отмены и сказал, что если Никита и дальше будет учиться так же хорошо, он обязательно купит ему ковьяки... Сегодня как раз папин день рождения. Вечером придут гости, папа как всегда, станет особенно добрым и, если попорщить кашу, купит, он обязательно купит ковьяки.

Никита подхватывает сумку с книгами подмышку и в радостном возбуждении мчится по улице.

Дома еще в прихожей слышит он, как на кухне трещит кастрюля и скорородки. Это воцаряется плиты домработница Глаша, веселая, добродушная девушка.

— А, это ты, Никит! — выглядывая из кухни, говорит мать.

В это время Никита привык видеть мать лежащей на кушетке и читающей «Журнал мод», но сегодня она тоже на кухне, распоряжаясь, обсуждает с Глашей притолокание к вечеру.

Никита быстро кладет сумку и проскальзывает на кухню. Красная, распаренная Глаша стоит возле плиты, а перед ней на тарелке горкой лежат пирожки, такие румяные и поджаристые, что Никита не может удержаться, чтобы не взять один.

— Никит, ты опять испортишь себе аппетит... — укоризненно говорит мама. — Скоро будем обедать.

Мама всегда называет Никитку «Никит». По правде сказать, ему это не очень нравится, особенно когда она называет его так во дворе, в присутствии мальчишек.

— Глаша, — говорит мама, — Накрывайте на стол. Сейчас Петя Леонидович придет.

Приходит с работы отец, и все садятся обедать. Никита с аппетитом ест борщ и прислушивается к разговорам, хотя и не все понимает.

Папа опять начинает рассказывать про какого-то Тимофея Ильича: он ужаснейший человек, карьерист, выскочка и подхалим... Но начальство почему-то ценит его и недавно выдвинуло на должность, которую, по всем расчетам, должен был занять папа.

Мама внимательно слушает и изредка сочувственно подкидывает. Но отец не успевает рассказать до конца все новости: в прихожей громко дребезжит звонок, родители перестают двигаться, папа недовольно морщит лоб, а Никита срывается с места: встречена посетитель — его обязанность.

— Постой, постой! — останавливает его отец. — Если будешь спрашивать меня, скажи... скажи, что я еще не пришел.

— А если это Аделаида Петровна, — торопливо добавляет мама, — скажи, что я ушла к портнихе.

Подобные поручения для Никиты не новость. Он вприпрыжку бежит к двери, откидывает крючок.

На лестничной площадке стоит незнакомый мужчина в промашвейной телогрейке. У него худое, давно не бритое лицо, через всю щеку тянется багровый рубец. Должно быть, он не зря, а бежал, потому что грудь его высоко выдвигается, дышит он тяжело и прерывисто.

— Здравствуй, мальец, — хрипло говорит он, отступая и делая шаг вперед, в прихожую. — Мне бы Петра Леонидовича. Он дома?

— Да... Он, то есть, что это я! Нет, нет, его нет дома, он еще не пришел.

— Не приходишь? Вот досад! Где же он тогда может быть? Не знаем, мальчик?

Рисунки П. Смолдина.

В словах человека такое неподдельное огорчение, что Никита невольно краснеет за своего дядю. К счастью, в прихожей темно.

Вшедший устало опускается на стул возле двери, вытирает со лба пот и продолжает слово расуждая сам с собой: — Поиамаше, мальец, дело какое... Только Петя Леонидович вышел, а у нас чуть было авария не приключилась. Мастер говорит мне: «Безя, догони инженера. Он, наверно, еще до дома не дошел». Ну, я и побежал. Да вот незадача...

Человек с досадой машет рукой, встает и уже в дверях оборачивается, опять словно рассуждая сам с собой:

— Где бы он не мог быть?

При слове «авария» сердце Никиты тревожно скамкает, ему хочется сказать, что папа дома, что он тут, сидит за обеденным столом, но отступать уже поздно, и Никита продолжает думать и изворачиваться так, как подсказывает ему его маленький житейский опыт:

— А он... а он вчера говорил, что у него какое-то совещание...

— Совещание? Какое совещание? — добавляет Никита для большей убедительности.

— Ну, что ж. На нет и суда нет... — человек уходит, стало соборье голову в плечи.

— Кто это был? — спрашивает отец, едва Никита появляется в столовой.

Никита исподлобья глядит на родителей, в ушах его все еще стучит зловонный голос: «Поиамаше, мальец, чуть было авария не приключилась!» И он не знает, как еще папа отнесется к его выдумке о совещании.

— Там был такой... такой высокий, худой, со ширмом.

— Иванов, — догадывается отец. — Что ему нужно было?

— Он спрашивал тебя. Говорил, какая-то авария чуть не случилась.

На лбу отца гармошкой собираются мелкие складочки, тревожный взгляд останавливается на Никите.

— И что же ты сказал?

— Я... я ответил, — перешептывая мнется Никита, которому все кажется, что сейчас должна разразиться гроза. — Я ответил, что ты на совещании.

Складочки на лбу отца раздвигаются, лицо проясняется, и, засмеявшись коротким довольным смехом, он притягивает Никиту к себе и ласково трясет за висок:

— Да ты у меня настоящий дипломат!.. Дипломат!

— Папа, — робко спрашивает Никита, — а как же авария?

Ничего, обходится без меня, — сухо говорит отец. Вспорос Никита ему, видимо, неприятно, потому что он добавляет недовольным тоном: — Ты еще, котлета отстанет.

Вечером. Отец надет редкий пушистый снежок, а болше хлопья, вылетающие из темноты, как бабочки, кружатся в свете уличного фонаря, что стоит у самого дома... Никита включает настольную лампу и садится за уроки. Он успевает решить задачу по арифметике, написать упражнение по русскому языку, и в это время начинают сходить гости. Из своей комнаты он слышит звуки смеха, оживленные восклицания мамы, снова смех, и внимательно его рассматривает: он скользит взглядом по страницам, но ничего не видит. Как-как успевает закончить письменные задания и берется за географию.

Никита любит географию так же, как любит ее и остальные тридцать четыре ученика шестого класса 6-б. Любит он и учителя Ивана Максимовича. Любит и немного побаивается.

Весь класс знает, что Иван Максимович когда-то был моряком и лет, кажется, ни одно-

го уголка на земле, где бы он и побывал во время бесконечных странствий. Думая Иван Максимович до конца думает о своем морю, но во время волея, в бою над Севастополем, получил тяжелое ранение, и ему пришлось навсегда распрощаться с морем.

Собственно любовь в шестом «Б», когда учитель, объясняя новый урок, начинает рассказывать что-нибудь из своего богатой приключенческой жизни. В классе тогда стоит такая тишина, что бывает слышно, как за двойными рамами на оконных карнизах чиркают воробьи. Никита прислушивается к голосам, залетающим из столовой, раскрывает учебник и, заткнув уши, начинает читать:

— «Азия — огромная часть света... Когда в Сингапуре солнце стоит прямо над головой, на море Челюскин оно бывает совсем низко над горизонтом...»

Никита вспоминает, что на прошлом уроке Иван Максимович рассказывал о том, как однажды из корабля бросил якорь в гавани Сингапура... Никита вспоминает и видит дома богатей, утопающие в зарослях банановых и кокосовых пальм, хижин бедняков и мальчишка-ришку... Обливается потом, босой рикша катит по расклеванной мостовой колесу, а пассажиры, развалившись, вяжком сиденье, бамбуковой тростью подгоняют задыхающегося рикшу: «Скорее! Скорее! О, как ненавидит Никита этих жестоких людей и как жаль ему мальчишка-ришку! Вместо того, чтобы учиться в школе, как учитель, Никита, чтобы не умереть с голоду, иудей целый день возит богатых пассажиров.

Если бы Никиту попросили рассказать обо всем этом ладе через то, он и тогда сумел бы без запинки воспроизвести картину, зарисованную учителем географии. Но к завтрашнему дню нужно выучить целую главу, а в ней столько новых неизвестных названий гор, рек, островов и заливов... А голоса из соседней комнаты слышны все громче и громче. Никиту мучит любопытство, он не выдерживает, отрывается от учебника и долго смотрит через щель в двери.

Видит он стол под желтым шелковым абакуром, бутылку, бутылку, бутылку закусочной. Рассматривает гостей. Почти все их Никита хорошо знает: они не первый раз собрались за этим столом.

Вон с краю сидит Вадим Григорьевич — длинный, неслыханный молодой человек в пестром клетчатом костюме с ярким малиновым галстуком. Никита знает, что мама, а за ней и все гости начнут упрашивать Вадима Григорьевича спать, а тот, как всегда, будет долго лопотать, ссылаясь на то, что проснувшись однажды не в голосе, но до конца говорит тем, что мама сидит к рюкля, а Вадим Григорьевич откашляется и, закатывая глаза и ломая руки, заплет дерзкими теоремами: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, Все лодырь! Вплотиться в мама станет уверяет Вадима Григорьевича, что он лет пелосея ессоем, совсем как Лемешев». Потом, когда гости уйдут, мама с папой станут смеяться и говорить, что в Вадим Григорьевича — тело и душа не баритон, а «сколотон» и что с подобным голосом петь только в дровяном сарае, а не в приличном обществе...

Рядом с Вадимом Григорьевичем сидит Аделаида Петровна — голстая красная девица. Она всегда выглядит в восточном восточном, и при этом ни лице у мамы такое выражение, что кажется, не следя Аделаида Петровна одолевшая и не отведая варенья, случается нечто ужасное — поперхивание, потопившая, потопившая, потопившая... «Интересно», — думает Никита, — что сказала бы Аделаида Петровна, если бы узнала, что сегодня за обедом мама в разговор с папой назвала ее «старой лодышкой»?

Дальше есть, у противоположного конца стола, сидит гость, которого Никита видит впервые. Отец, обращая к нему, называет его Тимофеем Ильичем, и Никита, вспоминая сегодняшней разговор, решает, что это и есть тот самый «ужаснейший» человек, который «обобщил» папу по службе. Но странное дело! Сколько ни всматривается Никита в этого гостя, он не находит в нем решительно ничего знакомого. Держится гость просто и как-то по-чужому, только пристрастно наблюдает за всеми, и Никита чудится, что в уголок губ его прыгает усмешка...

Стрелки часов движутся к десяти. Никита

Василий ШМЕЛЬКОВ

Весна

Солнце, словно гребнем эолоистам,
Расчесало озимы за рекой,
Разбудило рано трактористов
И умыло свежою росой.

Ветерок покрался на носочки
И того-то обнял за бугром,
А в полях белозимыя бочка
Родила весенний первый гром.

Дождь омыл березовые чаши
И ступеньки на моем крыльце,
— К нам весна приходит работницей,
С капельками пота на лице.

После смены

На простей осповоке у подростка
Веточка сирени для красы,
Над губой мажущая полоска,
Словно за ночь выросли усы.

Взгляд парнишки откровенно светел
Он идет, восторга не тая,
Оттого ли, что в цеховой газете
Про него написана статья.

Оттого ли, что соловьиной ряпью
Повстреча у заводских ворот
Девушку, к которой за свиданье
Он сегодня вечером придет...

Пылаю утро над родимым краем,
Разорван в клочья полутуму,
И ему казалось, что пугает
Он навстречу солнцу самому.

г. Гюрьевск.

знает, что сейчас и его позовут к гостям, в столовую. Такой порядок установлен давно, еще в те дни, когда Никита был совсем маленьким. Родители выводили его на середину комнаты, и он, картавя и перенервая слеза, декламировал:

Сидит конька на ошонию,
Воспомынаю на сию,
Что тебе пришлося, конька?
Раскасси створе мие...

Гости шумно аплодировали; Аделаида Петровна, которая не была еще тогда такой толстой, глядела его голову и умыванно произносила всегда одно и то же: «Преступный ребенок! Очаровательный ребенок!» А мама с папой таяли от удовольствия...

— Никит! — доносится из столовой голос матери. — Никит, иди же к нам. Хватит тебе заниматься.

Никита отпрыгивает от двери, поспешно одергивает рубашку и, выхватив из шкафа первый попавшийся том Большой Советской Энциклопедии и придав лицу озабоченное выражение, выходит в столовую.

— Все занимаешься? — спрашивает его Вадим Григорьевич. — Грысьте, так сказать, грант науки? Похвалю, весьма похвалю! Что это у тебя? Энциклопедия? М-да... Мудреная штука такая...

Вот уже который раз, заметив, что папа и мама это приятно, Никита появляется перед гостями с энциклопедией, и каждый раз Вадим Григорьевич называет ее «мудреной штуковиной».

— У меня дипломатом будет, — замечает отец. Все выражают одобрение, и только в глазах

Тимофея Ильича чудится Никите насмешливые искорки...

Гости расходятся далеко за полночь. Родители еще некоторое время сидят в столовой, делятся впечатлениями, и получается так, что о ком бы ни заговаривали мама с папой, они обязательно скажут одно и то же.

Перед тем как лечь в постель, Никита еще раз нерешительно берется за учебник, но глаза слипаются: «Дядю, завтра встану пораньше и выучу», — успокаивает он себя и, наказав Глаше разбудить его только в половине седьмого, валится в постель и моментально засыпает.

Снится Никите густой лес. Верхушки деревьев сомкнулись над его головой, солнечные лучи не проникают вглубь, и Никита бредет по этому лесу почти ослепая. Вдруг впереди маякнзья, а на ней — учитель географии Иван Максимович.

— Огурцов! — строго говорит он. — Показки на карте Азия.

И видит Никита, что высоко над его головой, расстнутая на двух сосисах, лежит огромная географическая карта. Такой большой карты Никита никогда не видел. Он делает шаг вперед, хочет поднять руку, но рука не слушается и — самое страшное! — Никита никак не может найти на этой громадной карте Азию. Все есть, все на своем месте, а Азия нет!

«М-да... Это мудреная штуковиная», — говорит вневств откуда являющийся Вадим Григорьевич.

«Ты не знаешь, где находится Азия?» — кричит тогда неизвестно откуда подошедший Тимофей Ильич и начинает трест Никиту за плечо. Никита оборачивается и с ужасом видит, что это не Тимофей Ильич, а лохматый бурый медведь, тот самый, которого Никита видел недавно в зоопарке... Никита хочет закричать и... открывает глаза. Будто погости стои Глаша.

— Никита, ты уже третий раз постоху. Ты опоздаешь в школу.

Никита бросает взгляд на часы и в испуге вскакивает с теплой постели, торопливо высканывает водой в лицо, так же торопливо, обжигается, выхватывает чашку чая, хватается сумку и, на ходу жуя бутерброд, выскакивает из дому. Родители уже спят.

Он едва успевает добежать до школы и клочьясь в раздевалку, и Никита, опередив учителя на полминуты, вылетает в знакомую дырку, на которой висит стеклянная табличка: «В-й класс «Б».

Урок географии.

Иван Максимович здоровается еще в дверях и внимательно обводит класс спокойными глазами. Лицо его, как всегда, немного суховато, подбородок чисто выбрит. Левой рукой он опирается о стол, правой пустой рукой засучивает в карман пиджака. Неторопливым мягким движением учитель раскрывает классный журнал.

— Пождет отвечать. — размеренно и спокойно говорит он и делает паузу.

Никита знает, что Иван Максимович сейчас просматривает, весь список сверху донизу. «А вдруг меня?» — мелькает мысль, и Никита втягивает голову в плечи; сердце начинает колотить так сильно, что ему кажется, будто стучит этот самый журнал.

— Пождет отвечать, — повторяет Иван Максимович и, закрывая журнал, добавляет: — Огурцов.

Никита давно приготовился к самому худшему, все-таки предостереженное это превращает на него впечатление разорвавшейся бомбы. Однако он тут же изображает на лице радостное удивление, словно то, что он услышал, является для него приятным сюрпризом, вскакивает и бросается вперед до конца класса.

— Сингапур! — это порт на юге Азии, — громко и уверенно начинает он еще на ходу, делая последнюю, отчаянную и наивную попытку угадать.

— Обожди, — останавливая его голос, доиспытывает теперь откуда-то издалека. Что было задано на сегодня?

— Азия... Величина, положение и очертания.

— Расскажи и покажи на карте.

Никита долго ищет учебнику, она лежит на полу, но стол, потоп медленно подходит к карте. — Азия... Азия — это огромная часть света. На севере ее мыс... мыс Челюскин... — Он не

сколько раз тщательно обводит эту точку указкой.— На юге... на юге... на юге...

— Ты не выучил уроки?

Никита, опустив голову, изучает узелки на своих ботинках.

— Почему?

— Я... я не успел.

С дневником в руках возвращается он к парте и с горестным изумлением разглядывает графу, где против географии стоит двойка. Первая двойка за этот год. Остаток дневника, чуть запрокинувшись назад, в ней есть что-то скандное.

Пятёрки Иван Максимович всегда ставит с упрямой, и иногда и негодовательно четкими, крупными буквами. Четверки и тройки он пишет потоньше. Двойки же ему, видимо, так неприятно ставить, что они получаются у него такие тонкие, словно брызги чухоткой... Нет, лучше не смотреть на эту проклятую страницу!

Медленно бредет Никита после уроков домой. Возле магазина спортсменов он, как всегда, задерживается, но теперь знакомый магазин стал для него совершенно чуждым. Нет тех радужных чувств, которыми он был полон накануне. Нет, не видать теперь Никите новых коньков, не видать, как своих ушей! Не кататься по сверкающему льду катка, который уже никак нельзя считать мальчишью на картофельном поле за домом...

Все так же, еле переставляя ноги, бредет Никита к дому, и когда поднимается по лестнице на третий этаж, то у него такое чувство, будто к ногам прилипают лужовые гари.

Мамы, к счастью, нет, она сидит за портняжкой. Дома одна Глаша, но она готовит обед, и ей не до него. Никита прохаживает в свою комнату, садится у стола и сосредоточенно думает, подперев щеку кулаком.

Он представляет, как рассердится папа, узнав про двойку, как покраснеет, надуется и сразу станет чужим его лицо. «Дрянной мальчишка! — скажет он. — Вот как ты учишься!»

Тупым, невидящим взглядом обводит Никита комнату. Взор его равнодушно скользит по зеленым обоям, по картинам в дорогих золоченых рамках, по шкафу, за стеклами которого застыли коробки записных книжек. Потом он так же машинально и рассеянно переводит глаза на письменный стол. На нем со вчерашнего вечера в беспорядке валяются книги, тетради. Вот лежит любимый блокнот в красном колпачковом переплете. Рядом — цветные карандаши, альбом для рисования, чуть по дальше — резинка с отпечатанным на ней лопушиным зайцем.

Резинка! Никите вару начинает казаться, что этот маленький, стертый с одного бока кусочек растёт, пухнет, увеличивается в размерах. Ощущение это настолько известно, что Никита закрывает глаза и трясёт головой.

А что, если... Нет, нет, только не это! Он знаят резинку и быстро, точно это крохотный кусочек обжигает ему пальцы, выдвигает ящик стола и бросает его туда, подальше от глаз.

Но мысль, однажды возникшая, уже не лает косяк и постепенно заглядывает всем его существом. В комнате уже не один, а как будто два Никиты, и они вступают между собой в спор.

«Двойка совсем тоненькая, — шепчет тоном заговорщика один Никита, — ее легко стереть, подправить на пятёрку, а потом, когда папа подпишет дневник, опять переделать ее на двойку. Резинка очень хорошая. Можно сделать так, что никто и не узнает.»

«Безлая, не своей этого делай! — с ужомозгом возражает ему другой Никита. — Если узнают, будет плохо.»

«Как знаешь, — холодно соглашается первый. — А то можно было бы исправить!»

«Нет, нет, не делай этого!» — шепчет второй, но голос этот звучит уже не так убедительно.

«А кони?» — настойчиво убеждает первый. — Подумай об этом. И потом в следующий раз надо будет обязательно постараться и получить пятёрку. Так, что ничего плохого не будет, если немного сплести?»

«Бездёй это обман!» — шепчет второй.

«Какой же это обман? — зло отвечает первый Никита. — У папы на заводе чуть авария не случилась, а он и то велел сказать, что его дома нет! А ты такого лгушка боишься!»

Эти доводы, кажется, окончательно рассеяли все колебания и сомнения. Никита решительно выдвигает ящик и достает резинку.

Через пять минут вместо тонкой двойки в дневнике стоит аккуратная пятёрка.

Вечером Никита с замраженным сердцем входит к отцу в кабинет и дрожащей рукой протягивает дневник. Папа сидит в кресле, читает «Трёх мушкетеров». Мысли его далеко, поэтому он с недоумением глядит на сына, точно видит его впервые, рассеянно спрашивает:

— Что такое?

— Подписать... дневник.

— А... подписать? — Сейчас, сейчас. — Папа раскрывает дневник, видит пятёрку и улыбается. — Молодец! — говорит он, ставя резинку подпись, и снова берется за книгу.

— Папа... робко напоминает Никита, поспешно закрывая дневник. — Ты обещал купить коньки. Ведь уже зима пришла!

— А-а-а... смеется отец. — Извини, дружок, забыл, забыл. Хорошо, что напомнил. Можешь считать, что коньки твои. Завтра куплю. Ну, иди, иди, шулуи, занимайся!

Никита на вымочках, все еще не зная в удачу, идет к себе в комнату.

В воскресенье Никита появляется во дворе на новых коньках, и его сразу же окружают мальчишки. Все они долго рассматривают и обсуждают покупку, дают Никите советы.

— Ничего, подходишь! — тоном язвотков одобряют они, и в голосах их Никита слышит плохо скрытую зависть.

С неспирными падаля и спотыкаясь, он долго катается во дворе, потом уходит с друзьями в соседний парк, где на небольшом овальном озере лес уже застыл. Домой возвращается Никита только под вечер, когда на улицах уже загораются фонари и над домами вспыхивают разноцветные огни реклам.

Он поднимается по лестнице, уставший, раскрасневшийся, безмерно счастливый. В при-

хожей визит что-то чужое и вместе с тем удивительно знакомое серое пальто с черным меховым воротником. Никита еще не успевает сообразить, но неясно, безотчетно предчувствие надвигающейся беды уже начинает закрываться в его душу.

— Кто это у нас? — шепотом спрашивает он у Глаши, но та не успевает ответить. Дверь, ведущая в комнату, распахивается, и на пороге появляется Иван Максимович.

— Вы извините меня, — на ходу говорит он, — но я сейчас сплуну. Мне нужно зайти сегодня в два дома. Да вот и он сам... добавляет Иван Максимович, увидев Никиту. — Здравствуй, Никита.

— Подъём сюда! — слышится из столовой голос отца, и голос этот не предвещает ничего дурного.

С выражением преступника, входящего на свиданье, Никита переступает порог и прежде всего видит красивое, зное лицо отца. Мама лежит на кушетке и прикладывает к голове полотенце, смоченное в уксусе. На полу валяется его никитин портфель, а на столе лежит дневник, раскрытый на той самой злопудучной странице.

— Дрянной мальчишка! — гремит над ухом Никиты сердитый голос отца. — Негодяй! Как мал, от горшка два вершка, и уже какой мошенник! Обманывать! Кого! Родного отца? Мена!

— Боже мой! Боже мой! — стонет на кушетке мама. — Нет, я этого не переживу! Ах, Ники, Ники! И в кого ты такой уродился!

Никита шмыгает носом и поднимает на родителей глаза, полные слез, словно спрашивая: в самом деле, в кого?

г. Юрюзань, Челябинской области.

СТИХИ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

Сказал АРУТЮНЯН

Комсомольский билет

Вла он молод.
Шингал не по росту — до пят.
А глаза...
В зимний холод
Костры точно так же горят.
За плечом автомат,
А за поясом связка гранат.
Острый кортик, да папка заветная —
Верно, письма в ней были секретные —
Письма матери из-за стенина газета,
Как его и любимой портрета,
Иль заснувший мак.
Мама ль что он хранит средь бумаг!
Но на сердце его,
Под медалями — сердце второе:
Драгоценней всего
Комсомольский билет для героя.
Комсомольский билет!
Страху смерти в нем нет.
Помогал он солдат в бою
В чуждавшем краю
И над пропастью страшной нередко
Вел его партизаном в разведку.
Был безусым парнишкой
Владелец билета,
Вот он смотрит
С пробитого пулей портрета.
Смерть,
Напрасно твою торжество:
Живо сердце его!

Перевела с армянского

В. ЗВЯГИНЦЕВА.

МЕТАКСЭ

Поднялись с тобой из шахты
Мы навстречу зною;
Лодку замедлешь шаг ты,
Чтоб идти со мною.

На себя мы не похожи,
В кожу вьеса уголь,
Мы смеемся днем пожимим,
Глядя друг на друга.

В чистой речке мы отмыли
Лица без мучения —
Сколько копоти и пыли
Унесло течение!

Мы с тобой искупались,
Вымылись водами.
Лишь глаза твои остались
Черными углями!

Перевела с армянского

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ
и Ирина СНЕГОВА.

Абрикосовые деревья на краю села распустили,
И разнестся весенний запах по раздолом моей земли.
Кружит легкий, веселый ветер лепестки над разливом рек,
И мне кажется, что сегодня над Арменией кружит снег.
Абрикосовые деревья! Снега белого вы белей
Над зеленым размахом пашен, над разлетом родных полей.
И ручей, что журчит под вами, уносит цветы с собой.
Абрикосовые деревья, цвет душистый и молодой!
Мне слышется, что не деревья — плачут девушки над водой,
В пастыля белем парадикаль и качаются на лугу.
Абрикосовые деревья! Век забыть я вас не смогу!

Перевела с армянского Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Ваагн КАРЕНЦ

В первый раз

Светало очень медленно тогда,
Один гетух с другим перекалился,
А я смотрел, не гаснет ли звезда,
И засыпал, и снова просыпался.
Так ясно помню, будто бы вчера,
Как, застегнув рубашки новой ворот,
Вокруг волов вертелся я с утра
И брата ждал, чтоб с ним поехать

в город.

С восторгом влез я на высокий воз,
На мягкий кавер села я, и степенно
Поплы волы меж виноградных лоз,
Неся с собою свежий запах сена.

С холма спустились... Уд село вдали.
Но вот и город — не стало скоро,
И прело моток со всех сторон легли
Огромные неведомые горы.

Играет солнце на рогах палато,
Скрипит колеса, обдавья пылью,
И позима молча и без слоз,
Что это сказка делается былью.

Вечерний опускается туман,
Но вот огни, огни — их очень много!
И тихо вои наш входит в Ереван,
И первая кончается дорога.

Прошли года. Как часто поезид вес
Меня в большие города и страны,
Но ты дорогу, той далекий воз
Я вспоминать векови не устану.

Перевела с армянского

Ирина СНЕГОВА.

Вениамин ФРАНКЛИН

СВИСТОК

Рассказ

Вениамин Франклин, 250-летие со дня рождения которого отмечалось в этом году, был не только выдающимся ученым и общественным деятелем, но и талантливым литератором-публицистом. В нашей стране «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина» появилось в 1900 году. Не так давно с помпезными Франклина познакомили советские читатели журнала «Иностранная литература». Рассказ «Свисток» на русском языке публикуется впервые.

всегда осталось в моей памяти, и всякий раз, когда меня одолевала озабоченность, я говорил себе: «Только не забудь поупотребить свисток!» И это меня удерживало.

Когда, став взрослым, я начал входить в общение с людьми и наблюдать их поступки, мне пришлось встретить много, очень много таких людей, которые

слишком дорого заплатили за свой свисток.

Если я встречал скрягу, который отнекивался от всяких обязанностей, я говорил себе: «Только не забудь сделать добро людям, и от радостей своих сограждан и от радостей взаимной дружбы ради того, чтобы побольше накопить денег, я говорил себе: «Бедняга, ты слишком дорого платишь за свой свисток!»

Когда я знакомился с прожителем жизни, не помнящим о том, чтобы обогатить свой ум познаниями или улучшить свое материальное положение, предпочитая этому наслаждения физического свойства, которые губительно сказывались на его здоровье и доставляли ему больше удовольствия, я говорил себе: «Заблудшая душа, ты слишком много отдал за свой свисток!»

Если я вижу человека, который своим заботам о показном образе жизни, покупает дорогие наряды, обставляет свой дом роскошной мебелью, заводит модные экипажи и ради этого закладывает долги, которые в конце концов доводят его до тюрьмы, я говорю: «Увы! Он слишком дорого заплатил за свой свисток!»

Коротко говоря, я пришел к мысли, что многие несчастья, которые выпадают на долю людей, создаются ими самими: они дают неправильную оценку многим вещам и слишком дорого платят за свои свистки.

Перевод с английского.

Мне было семь лет. Как-то в праздничный день мои друзья насыпали в мой карман полную горсть медюнок. Я тотчас отправился в лавку, где продавались детские игрушки, и, очарованный звуками свистка, которым забавлялся встретившийся мне на дороге мальчуган, охотно отдал все свои деньги за этот свисток.

Вернувшись из лавки, я стал расказывать по всему дому и настаивать, радуясь своему приобретению, но доставала немалое беспокойство семье. Мои братья, сестры и их товарищи, узнав, сколько я заплатил за свисток, сказали мне, что я отдал за него в четыре раза больше того, что он стоит. Они говорили мне, какие интересные вещи я мог бы приобрести на эти деньги, и так смеялись над моей оплошностью, что довели меня до слез. Таким образом, от свистка я получил больше огорчений, нежели удовольствия.

Однако хорошую службу сослужила мне впоследствии эта покупка. Воспоминание о ней на-

Калькутта. Центральная часть города.

На сельскохозяйственной выставке в Ханое. Тов. А. И. Минков беседует с четырнадцатилетним юнцом, участником выставки Дао Ваен Зу.

СЕРДЦА ОТКРЫТЫ ДЛЯ ДРУЖБЫ

Недавно Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Минков в сопровождении Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидова посетил Афганистан, Пакистан, Индию, Бирму, Демократическую Республику Вьетнам, Игтайскую Народную Республику и Монгольскую Народную Республику по приглашению правительств этих стран. В результате переговоров с руководящими деятелями этих государств заключены ряд экономических соглашений, которые сыграют большую роль в укреплении дружбы между народами Советского Союза и стран Азии.

Поездка в двадцать с лишним тысяч километров совершена на самолете «ИЛ-14». Ничья мы публикуем рассказ командира экипажа этого самолета, летчика 1-го класса А. М. Жылина.

Половина осталась государственная граница Советского Союза. Наш самолет летит над Афганистаном. В разрывах облаков виднеются снежные вершины гор. Высота полета — пять тысяч метров.

Но вот облака под нами редлеют, и во всем своем грозном величии открывается перевал Сопханг. Сверкает в солнечных лучах снег на гранитных утесах, зияют глубокие пропасти, по которым мчатся бурные потоки. А среди скал, по самому краю бездонных провалов, высится серая дятловка дороги — единственный след человека в этих диких местах.

...Столица Афганистана Кабул расположена в долине, среди гор, на высоте 1 850 метров над уровнем моря. С воздуха кажется, что город и озеро воле него лежат на дне огромной чаши. Мы снижаемся, делаем разворот и идем на посадку.

Кроме официальных представителей афганского правительства, на аэродром пришли тысячи жителей Кабула, чтобы передать советским людям слова дружбы и приветствия.

В столице Афганистана мы прибыли, когда здесь отмечалось, по мусульманскому летоисчислению, наступление нового, 1355 года. На улицах царил праздничный ожидание. Особенно многолюдно было

возле монумента, воздвигнутого в честь борьбы за независимость афганского народа.

Осмотрев город, мы вернулись в гостиницу и здесь неожиданно встретили своих соотечественников. Они доставили в Кабул пят-

надцать советских автобусов и оборудование для госпитала на 100 коек, подаренные Афганистану во время пребывания товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в этой стране в декабре прошлого года.

Очень многое в Кабуле говорит о дружеской помощи Советского Союза афганскому народу. На окраине столицы возвышаются корпуса элеватора, мельницы и хлебозавода. Их сооружают по проектам советских инженеров в счет кредита, предоставленного Афганистану Советским Союзом.

На другой день мы взлетели с Кабульского аэродрома. Курс — на Пакистан. Наш маршрут лежит в стороне от обычных воздушных трасс. Вскоре горы сменяются пустыней. Она раскинулась до самого горизонта, волнистая, покаяна на застывшее море. От нагретого солнцем песка поднимается горький воздух. Самолет начинает бормотать, и мы набираем высоту.

...Внизу большое поле аэропорта столицы Пакистана. Сегодня здесь особенно оживлено. На празднование Дня Республики в Карачи прибывают правительственные делегации многих стран.

Когда церемония встречи советской правительственной делегации была закончена, мы поехали в город.

Празднично, торжественно выглядела Карачи в тот день, когда Пакистан переставала быть доминионом британской короны и становилась самостоятельным, суверенным государством. На зданиях развевались государственные флаги новой республики — трехколесные с белой вертикальной полосой слева и с изображением белого полумесяца и звезды. На площади Полю Гроунд пестрели парадные шатры. Здесь были установлены кресла для почетных гостей. Улицы заполнили толпы людей, женщины заполнили автомашины. Народное гуление, начавшееся с утра, продолжалось до поздней ночи.

На другой день мы снова поднялись в воздух. Путь наш лежал в Дели, столицу Индии.

«Добрый день! Как самочувствие?» — так дружески приветствовала нас радостная аэропорта Дели.

Атмосферу дружбы и симпатии

Тов. А. И. Минков обменивается дружеским рукопожатием с премьер-министром Индии Дривахараллом Неру.

Премьер Государственного совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай сердечно приветствует А. И. МIRONOVA.

мы чувствовали в Индии постоянно. Когда на аэродром отлучили государственные главы СССР и Индии, отменили омовень в честь представителей Советского правительства и товарищ Микоян и сопровождавшие его лица в галереях раз уехали с аэродрома, нас окружили индийские летчики. Некоторые из них оказались старыми знакомыми. Мой коллега Анатолий Кузавин Долгов в свое время передавал здесь индийским летчикам самолет ИЛ-14, подаренный премьер-министру Джавахарлалу Неру товарищами Н. А. Бугаевым и Н. С. Хрушевым. Майор индийских военно-воздушных сил Рафус пошел к Долгову, который учил его летать на советском самолете, и, сняв черными глазами, широко поглядывая ему в лицо.

— На советском самолете, — сказал он, — со мной уже летал премьер Джавахарлал Неру.

Штурман Полуначенко и летчик Саввиченко также встретили знакомых. Оба они уже бывали раньше в Индии.

Быстро промелькнули дни нашего пребывания в Индии. Из Дели товарищ Микоян отправился в Калькутту. В этом огромном городе мы пробыли сутки и рано утром поднялись в воздух. Сделав прощальный круг над широким Гангом, мы ахнули вправо на Рангун — столицу Бирмы.

На рангунском аэродроме Мигаладон товарища Микояна встретил премьер-министр Бирмы У Ну и другие ответственные лица бирманского правительства.

Мы, советские летчики, воспоминаниями пребыванием в Рангуне для того, чтобы осмотреть город. В Рангуне много памятников, рассказывающих о борьбе бирманского народа за свободу и независимость. В центре города, на площади Вандуда, мы осматривали обелиск Независимости. Восемь лет назад здесь был поднят национальный флаг Бирманского Союза.

Рангун — своеобразный город. На его улицах можно встретить европейцев, американцев, индийцев. Среди прохожих много монахов в оранжево-желтых одеждах, студентов университета в зеленых костюмах. Перед некоторыми домами мы видели выставленные на улице блюда с рисом и кушаньями с водой. Нам объяснили, что это — угощение для странников.

да Шве-Дагон, построенная две с половиной тысячи лет назад. Это величественное сооружение напоминает огромный золотой колокол. В нагоде мы встретили группу советских моряков, доставивших в Бирму товары и машины, изготовленные на советских заводах.

Через несколько дней мы выехали в столицу Вьетнама город Ханой. Полет проходил в тяжелых условиях. Маршрут лежал через преграды Тибета. В горах бушевала сильная гроза. Но вот горы стали позади, и под нами открылся Вьетнам. Стол период дождей. Реки вылизи из берегов, и с воздуха казалось, что вся страна состоит из воды, яркой зеленым джунглей и рисовых полей.

Несмотря на дождь, тысячи рабочих и служащих собрались на аэродроме Ханой. Они сердечно приветствовали советских гостей.

На прямых и чистых улицах Ханоя много зелени. Раскидистые кроны деревьев защищают пешеходов от палящих лучей жаркого солнца. Особую прелесть придает городу несколько больших водоемов, окружающих бульварами. Лучшие здания столицы, принадлежавшие раньше колониальным чиновникам и коммерсантам, отведены под школы, больницы, детские учреждения.

На приеме, устроенном товарищем Хо Ши Минам в честь товарища Микояна и сопровождающих его лиц, мы встретились с героями Народной армии Вьетнама. Среди них была девушка, на вид очень юная и хрупкая; она вели большую подпольную работу во время борьбы с колонизаторами, а потом сражалась в партизанском отряде, захватывая в плен восемь вражеских офицеров и уничтоживла несколько десятков солдат.

— Нам было удае, удостоенных высокого звания Героя Народной армии Вьетнама, — рассказывала

нам юная патриотка, — но подруга моя погибла. Ее убил враг народа уже после окончания военных действий.

Поговорилимсь мы с молодым герем-энтником. Этот юноша был на фестивале демократической молодежи в Варшаве и на обратном пути побывал в Москве. Он с аэродром говорил о советской столице.

— В боях с колонизаторами, — рассказывал он, — всегда стараясь находить на советских людей, защищавших свою Родину от фашистов.

Мы совершили несколько поездок в окрестности Ханоя, в места, связанные с освободительной войной вьетнамского народа. Сاعدь бата еще заметны разрушения. Дзоты и укрепленные посты, построенные захватчиками, видны у каждого моста, у каждого передела.

С большим интересом мы осматривали вьетнамскую деревню, встретившуюся на пути. Ее домики живописно раскинулись среди бамбуковых зарослей. Спроваждавший нас вьетнамский товарищ, а прошлом сам крестьянин, рассказал, что при колониальном режиме почти половина крестьян Вьетнама не имела земли. Сейчас в стране проводится аграрная реформа: земли, принадлежавшие помещикам, передаются крестьянам.

Из Вьетнама мы взяли курс на Пекин.

На Пекинском аэродроме товарища Микояна и других советских гостей тепло приветствовал Премьер Государственного совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай. Китайские пионеры поднесли посланцам Страны Советов огромные букеты цветов.

Первый раз я прилетел сюда в 1949 году. Тогда здесь говорили, показывая нам город, говорили, что его облик почти не изменился на протяжении столетий. В восточном и западном районах Пекина жила знать, в северном и южном — купцы-бедняки.

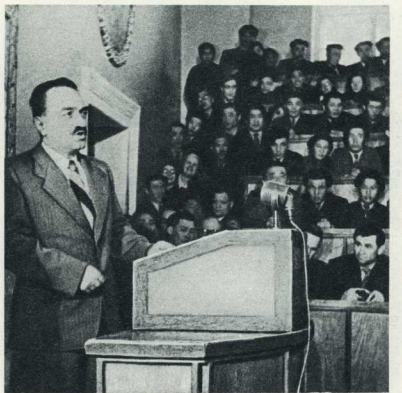
За последние семь лет я не раз бывал в Пекине и всегда видел что-нибудь новое в этом городе. На улицах появились автобусы марки «ЗИС», автомашины чехословацкого и венгерского производства. Выросли новые дома, целые кварталы.

Менятся города, меняются его люди. Оживая и забывая в Пекине, как обучались грамоте рабочие небольшой лудильной мастерской. Во дворе стояла класная доска. Юноша с длинными запудренными волосами писал на ней иероглифы. Ученики, многие из которых годились в отцы преподавателю, сидя на маленких скамеечках стульев, усердно пересказывали иероглифы в тетрадки. Обучене грамоте в свободное от работы время широко распространено в Пекине.

В Катие многие учат русский язык. Сейчас в Пекине — и на улицах и в людном магазине — всегда можно встретить человека, который говорит по-русски.

Слова в полете и везу самолет в столицу Монгольской Народной Республики, а оттуда в Москву. Последние минуты нашего перелета: впереди видны контуры высочайшей родной столицы. Позади остались двадцать с лишним тысяч километров пути над территориями семи стран.

Здравствуй, родная Москва!

Во время пребывания в Улан-Баторе тов. А. И. МIRONOVA выступил перед студентами Монгольской государственной университета.

ИМН БОРЬБЫ И СВОБОДЫ

Это произошло в 1899 году, на Первом конгрессе французских социалистов в Париже. Во время заключительного заседания, когда противники объединения разрозненных социалистических организаций начинали брать верх, у подножия трибуны зазвучала красная знамя с написанным на нем пламенным призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И одновременно чет-то сильный голос заapel:

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Тотчас же несколько человек подхватили песню. Она рождалась, ширилась. Скоро ее пел почти весь зал. Сторонники раскола растерялись. Некоторые из них пытались выкриками заглушить песню, но их голоса томили в мощных и величественных звуках торжественной мелодии. Сквозь раскрытые жалюзи окна и двери песни вырвался на улицы, и люди, проходящие мимо, невольно останавливались.

Делегаты конгресса пели «Интернационал». Новая песня быстро облетела Париж, а затем всю страну. Вскоре стала популярной гимном трудящихся всего мира. Эта песня переведена на все европейские и не только европейские языки,— писал В. И. Ленин.— В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забрала его судьба, каким бы чуждом ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины,— он всегда найдет себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала».

Автору слов этой вдохновенной песни Эженю Потье не довелось услышать во исполнение, так как стихи впервые появились в печати лишь в 1887 году, через шестьнадцать лет после того, как они были написаны, а музыка к ним была сочинена Пьером Дегейтером в 1888 году.

Создавая свою замечательную песню, Потье не сомневался, что она найдет живой отклик в сердцах свободных французов. Недаром эти огненные, революци-

онные стихи родились спустя несколько дней после разгрома Парижской Коммуны, когда на тротуарах и мостовых еще не высохла кровь коммунаров.

Эжен Потье родился в октябре 1816 года. Тринадцатилетним поступил на работу и тогда же начал писать стихи. Уже в 1830 году рабочие Парижа пели первую песню Потье — «Да здравствует свобода!». Вслед за ней приобрели широкую популярность его сатирические стихи и песни. Пришло время, когда каждый получил свое!

В февральские дни 1848 года поэт мужественно сражался на баррикадах. Реакция жестоко расправилась с повстанцами, но не сломила их воли к победе. Наиболее стойкие и преданные делу революции пролетарии продолжали бороться. Многие из них вступили во французскую секцию Международного товарищества рабочих, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом. Среди них был и Э. Потье.

7 ноября 1887 года трудовой люд Парижа с грустью узнал о

Эжен Потье.

смерти Потье. На следующий день тысячи рабочих собрались, чтоб проводить своего поэта в последний путь. Рабуженные руки парижских пролетариев бережно несли гроб, покрывший алым шарфом с золотыми кистями — шарфом коммунара. Над толпой развивалась красная знамя. Поли-

ция пыталась разогнать траурную процессию. Но ей это не удалось. С возгласом «Да здравствует Потье!», «Да здравствует свобода!» рабочие приблизили к кладбищу Пер-Лашез, где похоронены расстрелянные в 1871 году парижские коммунары.

Эжен Потье, один из любимых поэтов французского пролетариата, всю свою жизнь отдал борьбе за свободу. Ни нужда, ни голод, ни преследования — ничто не могло заставить его изменить своему календарю. Политическое наследие Потье невелико. Но все его произведения написаны кровью сердца, написаны для народа.

В русском переводе «Интернационал» появился в 1902 году. Перевел его поэт-революционер А. Коц. Ему удалось сохранить в песне главное — революционный дух коммунаров, готовых штурмовать небос, как говорил К. Маркс.

А. Коц перевел тогда не весь текст гимна, а только первую, вторую и шестую строфы. Позднее им были переведены и остальные строфы.

Они читаются так:

Долой! кровь сосать, вампиры,
Тиранию, палачов, нищоту!
У нас — вся власть, все благо мира,
А наша правда — злая тироту.
Мы жизнь построим по-чужому —
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть — народу трудовому,
А дармоедов всех долой!

Презренные нас в своем богатстве,
Эти и стали короли!
Мы ваши трофеи, тивидеи,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, шахты —
Вся власть создано трудом,
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взяли граблями.

Долой, королям в угоду,
Тиранию, палачов, нищоту!
Воина — тиранию! Мир — народу!
Вступайте, армии санна!
Когда ж тираны нас заставят
Героически в бой за них...
Услыши, в нас этот призыв,
Мы зрелая пушеч боевая!

«Интернационал» быстро завоевал популярность среди русского пролетариата. Он призывал звать на баррикады 1905 года, а также рабочие шли на бой в октябрьские дни 1917 года.

После Великой Октябрьской социалистической революции «Интернационал» стал государственным гимном Советского Союза, а затем — коммунистическим партийным гимном.

Нетрудно представить колоссальную и радость престарелого коммуниста Петра Дегейтера, когда в 1928 году во время демонстрации на Красной площади он услышал свою песню в исполнении тысяч людей.

85 лет прошло со дня создания текста «Интернационала» и почти 70 лет со дня написания музыки. Нет сейчас такого уголка на земном шаре, где бы не звучали гордые и призывные слова, зовущие пролетариев всего мира на борьбу за лучшее будущее.

Ю. ДМИТРИЕВ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кинит наш разум возмущенный
И в смертный бой влечет готов.
Весь мир насильем мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Припев: Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспринмет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,

Звудуйте горн и куйте смело,
Пока железо горючо.

Припев: Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспринмет род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда.
И если трон великий тринет
Над своерой твоей и плачаей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Припев: Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспринмет род людской!

участвовали и ветераны шахмат — бордатые профессора — и молодые перенаторгони. Среди этой компании, никому не ступая в сравнении, сидел, обладая рубиной братоу достую голову, паренек лет одиннадцати. Его звали Алешка. Юная шахматистка пообступил болельщица — шестерни, которым нестерпимо хотелось, чтобы Алешка выиграл или хотя бы не проиграл. Как только Ботвинник отходит от доски, сразу слышался шепот, сызлав дробити советок, которые только сердили Алешку. Он, сдвинув брови, обочаривался и махал рукой: «отстанте, дескать, сам знаю. И действительно, Алешка стойко оборона свои позиции».

Сидя Ботвинник, мимовраг друг, подходить к алевоний доске, наступала тишина, и ребята с нескрываемым чувством восхищения да своето друга отгадывали чемпионю мира, который поодру раздумывал над партией. Свое искусство в эвнионий правде, метности характеристик, в психологической верности изображений алевоний. Я никогда не аль раньше, как резко отличаются характеры и натурсы мальчишек разного пола. К примеру, если плотины нинит забора, то мальчишка обязательно подползает, как влодь захоти в дерево. Девонка же никогда не заинтересуется этим.

Интересная передача.

Волшебная краска.

Она с большим удовольствием будет стереть носок с мальчишек, но так мальчишка уговорит пелься трудю. Если поупака перочинного ножа будет для школьника счастливым событием, то у его одноклассника тышка поупака не вызывает особой радости. Знание этих деталей позволяет художнику уверенней и острее решать детские темы.

Дети, работая над сюжетом, многое изменяют, дополняют другими наблюдениями, творчески перефразируют. Приведу пример на своей практике. Я был в гостях в одном доме, где мне очень понравился трехлетний мальчюк, сладно спавший в своей кроватке. Одевая, поправляющее его, было размечено, рука отступила — по всему чувствовалось, что характер у мальчишка бойкий, энергичный. Немного подождав мне рассказав забавную историю про двух сыновей — «отнимиста» и «неснимиста» — возгорался отец, когда они сбили, оставил возле кроватки поединки. «Неснимиста» он послал к красному деревянному коню, а «отнимиста» — поодру от настоящей лошади. «Неснимиста», когда проснулся, сразу начал ныть, что конь не выпаривший, что его надо вынуть. Подарок не издала — обыкновенного коня «неснимиста», а «отнимиста», проснувшись и увидя поодру, восторженно восклицая, что, когда он спал,

к нему приближалась настоящая лошадь. В подтверждение этого мальчишка всем показывал под копыта.

И вот тогда я вспомнил мальчюгана, сидющего под ракетами ораком. Это был намеренная отнимист. Поодру я мысленно подставил к его кроватке деревянного коня, который стоил, как бы доказывая пробуждения своего хозяина. Ударила была тутю намотана на ручонку мальчюгана, крепко деревянного коню мочту. Эти думя, связываясь по мне удечню, определяла, какие мне наладко, основане в его характере. И хотя мальчиш спал, все равно можно было почувствовать, как дорог для него этот конь. Он помогает ему спать. Будничем, помогать становится будущего смелого человека, полевому и решительному. Думаю, что такая маленькая подробность дает зрителю твердый ориентир для понимания характеристин не только самого мальчишка, но и всего окружающего — среды, времени, места. Рисунок и назвал «Правильный характер».

О пренасрой детской душе можно говорить очень много. Мне хочется рассказать еще один эпизод. Однажды в посеще я познакомилась с семилетней девочкой. Она провелама своего смелого отца. Матери у нее не было, а была маичка, злая-презлая, которая ее часто била, придрасывала и пел. Жить дома девочке было очень трудно, ей бы давно убежала — оказалась она мне... да пишу жалю, вот за него и терплю... А после школы поступила в институт. Тут упустила на докторя, и обязательно придумую лекарство тебе, чтобы у маички все заость вылетело». Ее слова невольно привели в воспоминания ребенка, добрая мечта, рожденная чудесной детской душой. Иордрия дала мне приключенью обильный материал для размышлений, для творческих поисков.

Дети, как правило, имеют все данные для формирования отничного характера. Душевная мягкость, доброта, любезность у всесто дорослого ребенка от оптимистического восприятия мира — вот характерные черты детства. У меня есть рисунок, названный «Обла проросит». В нем я хотел показать множественность общности ребенка. Мальш неуклюже, научился к столу, но тут же, увлекшись чем-то, убранный вослится в сторону, уже забывшая свою общду. Хоршине начало настолько активно в размышлении, что оно быстро гасит вселине недоброе инстинкты.

У моей доченьки, когда ей было около двух лет, пронеслось такост эпизод. Однажды за едой она не успевалась, и ее лепешка вывалилась. В ответ девочка занула ножки на стол и совсем отозвалась кушать. Эту мимолетную сцену воплира мне удавалось зафиксировать на бумаге, давшая «Чей характер». Впоследствии при всяких попутных дочин направоливать и поправлять его «документальный» рисунок с надписью «Чей характер?». Результаты следующие: за последние годы раз получалась благоприятная моча. В ответ это не единственный случай воспитательного действия рисунка. На фоне сформированного сознания ребенка неуклюже, дождаться его, угадывая доброе и плохое еще в зародке и всесторонне поддерживать это добро.

Мне кажется, что для ребят малого возраста у нас не придумано понятия «индивидуальность», развивающие в них доброту и ответственность родители знакомо, например, распространяем сред галечнице — испокон поодрует не променяют на мочте свои игрушки. Или другой пример: в детском саду можно наблюдать, как мальчишка, дождавшись, что поставят лумары под капеля, водосточной трубы. Ни интересно, чтобы вода поодала в узкое горлышко лумары. То

и другое мальчишка взрослые переживают как иужное ребячье оорство, а на самом деле, кажется мне, адрес кроется начало увеличения трудом, желание заняться настоящими делом.

Несколько слов хочется сказать о стремлении неуклюжих родителей поощрять привлекать своих детей. Особенно часто в таком виде работ фотографировать. Когда смотришь на эти снимки, становится явным, что из ребенка уходит его характер, неосредственность. Он становится куклоподобно-статичным, обобщенным в своем поведении, но не одухотворенным жизнью. Вот почему я предпочитаю фото, снятые незаметно. Именно такой же принцип формирования я люблю и в рисунке. Окежда и различные предметы, конечно, не должны быть бесчуждыми и характеристине ребенка, но и не должны скрывать его индивидуальность.

Помню, одна бабушка привнесла ко мне своего внука, шестилетнего Саду. Он пришел в старом детском платье и думя и помнить ни за что не хотел его снять. Этот шлем раскрывал сашню внешность и личина и самозащиты. И хотя он был с головию его старшего брата, все же для полноты сашини характеристик, для раскрытия загадочного бласа, мелькнувшего в его глазах, шлем был необходим в портрете.

Вот вердикт мое наблюдение и мысли, которые мне хотелось изложить, как художнику, любящему детей и детскую тему в своем творчестве.

Девочка из Кранова.

Первые сантиметры.

С. МИНАЕВ

ЖИВОЙ ПЕНЫ И МЕРТВОЕ ДЕРЕВО

Рассказ

18 июня исполняется 20 лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького. Известно, как чутко и бережно относился Алексей Максимович и литераторам и особенно к начинающим. Один обратился к нему за советом, другие посылали ему на «суд» свои первые произведения. Несмотря на занятость, Алексей Максимович внимательно просматривал каждую рукопись, посылал авторам обстоятельные ответы.

Такой трогательное внимание довелось послать А. М. Горькому рассказ «Живой пеня и мертвое дерево». Я предполагал, что если Алексей Максимович и ответит мне, то не так скоро. Каково же было мое удивление, когда я получил ответ через несколько дней! Горький не только прочел мой рассказ, но и основательно прилипло к нему своей красной карандаш — карандаш редактора. Некоторые неудачные места в рукописи подчеркнуты, и тут же сделаны соответствующие пометки. Например, в предельном «несмотря на коротышки» пометки, путник шел довольно быстро» Алексей Максимович подчеркнул слово «несмотря» и вообще ходит быстро». В другом предельном — «на нем была с растущими воротом и засученными рукавами голубая носоворотка...» — Горький обвел карандашом слова «голубая носоворотка» и поставил их после слова «на нем была». Горький зачеркнул слова «я готов был разрыдаться и сверху написало: «не надо!». Имеется и ряд других пометок. В конце рукописи рукой Алексея Максимовича написано:

*Плеще короче я не так суко.
Положу маленького человека клява гравитая с циркулем, это — для высоты.
Пала пудов без мис — много месс.
Рыдьте шинее.
Исправте рассказ и пошите в «Прожетар».
А. Пешков».*

Рукопись с пометками А. М. Горького я хранил на дорожку память о великом писателе. Рассказ и замечания Алексея Максимовича до сих пор не публиковались.

С. МИНАЕВ

Стояла необычная тишина. Желтое солнце беспощадно жгло потрескавшуюся землю. Поблещая растительность, припад горючей груды земли, медленно умирала. Птицы молчали, попортившись в кустах ольховника, что виднелась в стороне от дороги. Задыхаясь от жары и обливаясь потом, я быстро шагал пыльным трактом, по обеим сторонам которого расстлалась огромные постоны. На дороге виднелись разные принудившие отпечатки. Среди них мне бросились в глаза

какие-то особенные следы, совершенно не похожие на следы животного или человека.

Подоившись на холмик, я заметил впереди себя двух путников. Один из них напоминал знак подсказки, другой — току. Я приблизил шаг и через несколько минут, приблизившись к ним, внимательно стал рассматривать их. Они шли молча.

На высоком бутнике болталась серая пыль, такая дымная, что чуть-чуть не касалась земли. За спиной у него висела сумка, связанные грязными портянками. Серая, малоподвижная фигура его сливалась с однотоным полотном дороги.

Мои глаза никак не могли оторваться от первого ростом, но вдвое шире в плечах. На нем была голубая носоворотка, перекрещенная портянками, голову прикрывала кепка. На ногах вместо обуви были какие-то непонятные скрипящие футляры. На левой руке его висела кожаная тулжурка, а в правой зажатая толстая можжевеловая палка, служившая ему добавочной ногой.

Несмотря на это, путник шел довольно быстро. Для того, чтобы сделать шаг, он не подымал ногу, а переставлял ее на другое место поворотом всего туловища, отчего на пыльной дороге и оставался причудливый, вроде человека, след.

До колес укороченный человек, повидимому, обладал большой силой. Толстая, короткая, мускулистая шея его свалилась с широкими плечами; длинные, пернатые тулови уклады миши руки чернели от загара.

— Доброго пути! — наконец произнес я. Путник в шинели лениво повернул голову, а обрубок привратно заулыбался, показывая широкие белые зубы.

— Милости просим шествовать с нами вместе... С поезда? — спросил он, разглядывая мой потрепаный портфель.

— С поезда, — ответил я.

— Вы толканы от меня подальше, а то как бы не занепать кляшней. Видите, какой я? — предупредил он меня, улыбаясь. — Вот и хорошо, что догнали. Веселее шагать будет. Сегодня за полуднием ин одной кобылы.

Дорога для меня была незнакомая, и я спросил, как попасть в Орехово.

— Попутчик нам! — радостно отозвался инвалд и, в свою очередь, заинтересовался, откуда и зачем я оказался в этих краях.

Путник в шинели, узнав, что я из города, настроился. Привстало осмотрев меня с ног до головы маленькими хитрыми глазами, он решительно перешел на мою сторону и не спуская глаз с портфеля, тихим голосом стал называть свое горе:

— Я тоже из города. По своим делам ездил. Где же тут справедливость?!

Он долго говорил о том, что у него отобрать землю, которую передают «головашиникам». Речь была вялая и неинтересная, как лицо самого рассказчика, поросшее редкой щетиной.

Убедившись, что он смотрит на меня как на преставителя власти или на человека, который поможет ему советом, я послесия разочаровал его и разъяснил, что в этих делах не разбираюсь: еду не ревизовать, а помятаться с толпарником и поймать рыбу. Тогда он стал задавать мне разные каверзные вопросы, на которые я не знал, что и отвечать.

— Да замочи же ты! — не выдержал инвалд. — Ты мне и так все уши прожужжал. Лучше б одному шагать. Только и знает: земля, земля... Тыфу!

— Тебе хорошо тыфуть... Опять пенсов прибавил!

— Завидно стало? Давай делиться.

— А что есть у тебя? Одна изба, и та на подпорках.

— Не надо мне твоих хоров, коней, коров, молодняков. Ну их! Ноги давай, ноги!

— Я тоже не меньше твоих воювал.

— Воевал... — А то нет? Поглядя-ка... — Он приподнял ногу шинели и просунул в дырку палец.

— А это что-то?

— Мандат, вот что! Как куда ехать? — всегда на себя напыляешь, а сам и пороху-то понастоюемому не полагал. Тряпкой чем угодно проткнуты дырки, Хаусту! Ми еще до тебя доберемся.

И так уже долбались. Дальше некуда. Жисти нет из-за вас, дивьяков. Нам грабят, а нам передают. Власть называемся!

— Кто дьявоп? Кто-то?

Инвалд, скривя футлярами, выскочил вперед и занес над головой палку. Его чисто выбранные лицо поблещало, на висках вздулись жилы, казались, готовые вот-вот лопнуть. Он как-то странно, но по-человечески топтался на одном месте. Крутоле лицо его все больше и больше наливалась кровью.

Падка со свистом разрезала воздух. Спутник в шинели успел отскочить в сторону и ехидно заулыбавшись, показывая гнилые зубы.

А-а-а... Кулачки! Ублюдок! — взревел инвалид, устремившись за ним.

Я стоял, не зная, что предпринять. Происходила какая-то странная игра: спутник в шинели пытался, а инвалид, неужелюбе переправив, наступал на него, размахивая палкой.

Мне стало жаль инвалида. Я противник всяких скандалов, но в эту минуту мне от души хотелось помочь ему. У меня даже мелькнула мысль: поймав человека в шинели и придержать... Не знаю, чем бы кончилась ссора, если б не мое вмешательство. Подойдя к инвалиду, я положил руку на его горячее, лупное плечо.

— Успокойся, браток... Давай лучше закуришь.

Инвалид поправил вымощившие из штанов рубашку, смахнул с лица крупные капли пота и протянул дрожащие пальцы к портсигару.

— Гадина! — глухо проговорил он, жадно глотая дымя и трогаясь с места. Я вынул из кармана у человека в шинели шагах в пяти пазыан нас. Повидимому, он боялся подойти ближе.

Солнце все так же пекло. С клеверного поля таянула густой, солодкий аромат. Нечем стало дышать, мучила жара и притеснение. Вспомнившаяся то что разграничивающую смену, я с трудом сдерживала смех. Чтобы не расхохотаться, справился о сенюжко.

Инвалид улыбаясь и повернул голову.

— Эй, Пенкин, куда-то душа, когда косить начнешь? — обратился он к своему злодею.

Мне не верилось, что этот человек всего несколько минут назад имел такое злое, искаженное лицо.

Пенкин ответил не сразу. Он уже без страха подошел к инвалиду, перебрисав с одного плеча на другое сапог, посмотрел на небо, зачем-то похлопав сухой воздух и нехотя процедил:

— Ну и злой же ты, Бычков. Ужасн!

— Пондаешься ты мне когда-нибудь под горячую руку?

— А кто сейчас пора бы. Погода только неаистная. Непременно дождь будет.

— С неба тебе сообщали?

— Не с неба. Прочега. Накануне рожегаста метель была сильная. Тебе вот, годоводранцу, ничего знать не надо, лежи да полужайга — государство накормит, а у меня хозяйство. А хозяйство водить — не разния рот ходить. Что потоповещ, ты и понаполас!

Я от души был рад миру и поспешно предложил Пенкину папиросу.

— Не занимаюсь этим делом, — ответил он и брезгливо сляпнул.

— Он у нас вроде святого: не пьет, не курит, не нюхает, а только баб!

У меня свои баба. Сам не дает проходу девкам, как жеребец рвет.

Я насторожился. Мне казалось, что Бычков снова занесет палку, но в великому моему удивлению, он задвинул неудержимым хохотом.

Со смехом мы вошли в маленькую уютную деревушку. На улице никого не было видно. Только одна молодая женщина в цветастом платье доставала из колодца воду. Она только перебрала руками жердь журына.

— Эй, молодница, какая твоя водопод? — громко прокричал Бычков, поправляя кепку, из-под которой буйно вынылись черные, с золотистым отливом, кудри.

— Завидна, — ответила та.

— Словам не верим, надо испить.

— Милости просим.

Мы все втроем подошли к колодцу.

— Ого, источник богатый, — хлопая женщину по бедрам, проговорил Бычков.

— Не блатуй! Ишь какой бойбай! — Женщина улыбаясь, но взглянув на футляры, сразу помрачнела и задумалась.

Вода действительно оказалась вкусной. Достать выйшиться и смочив головы, мы болдо продолжили свой путь.

Мне было очень приятно шагать с Бычковым. За несколько часов совместного пути я достаточно успел узнать этого интересного человека. Он рассказывал мне о Перелеко, о Фудуне и заканчивая свою повесть, постукая палкой по правому футляру, который издавал глухие звуки.

— Вот она, память-то. Мы им еще покажем, где раки зимуют! — И он неожиданно перевел разговор на политическую тему.

— Слышав умишу река, у дивулялся его осведомленности и спросил, откуда он обо всем знает.

— Как откуда? В моей избе-читальня, с гордыстью ответил он — газеты, журналы, книжки разные. Человек для того и должен жить, чтобы всем интересоваться. И не Пенкин, который дальше всего и молотышки ничего не видит, — закончил он и гордо посмотрел на спутника, который за все время не сказал ни одного слова и не изменил выражения хмурого лица.

Неожиданно мы подошли к реке, над которой висел горбатый мост. За рекой дорога раздваивалась.

— Ну вот, теперь нам — направо, тебе — влево. Будешь когда в Знаменке, — захотел чай пить. Спроси безногого Костю, за которого ни одна девка замуж не идет, — каждый мальчонка укажет. И спрашивать нечего, у моей избу мачта, потому как радио общественное.

С утра до вечера и с вечера до утра изба открыта для всех, кроме Пенкина, потому как целкового пожелал на такое общественное дело.

Мне не хотелось расставаться с Бычковым. Я предложил ему покурить и отдохнуть на берегу реки.

— С большим удовольствием! — воскликнул он.

Мы расположились у самой воды, а Пенкин в стороне от нас. Слышно было, как он глубоко вздыхал и что-то шептал.

Выкуриль две папиросы, я стал раздвигаться. Моему примеру последовал и Бычков.

— А ты что жей? — обратился я к Пенкину.

— Еще протрудиться, работать некому будет, — проворчал Пенкин.

Я бросился в реку. Теплая вода проглотила меня. Когда выплыл, взгляд мой невольно остановился на Бычкове. Он торопливо отжимал свои футляры.

— Будь другом, окупи, пожалуйста, — сидя на песке, просил он.

Я вышел из воды и бережно вынул его на руки. В нем было не менее четырех плавов. Его чистое, мускулистое тело напоминало сома с отрубленным хвостом. Обнимая меня за шею, он дрыгал толстыми кулаками и беззвучно смеялся.

— С головои!.

Я шлеп по пояс и трижды окуная его.

— Ого-го-го-о! Ого-го-го-о! — звучно вылилось из его богатойской груди. — Еше! Еше! Ого-го-го!

Он кричал и рвался из моих рук.

— Пусти, — наконец умоляюще прошептал он. — Разрешил, попробую сам поплыть...

Я выпустил его. Он хтел было вымахнуть

руками, но не успел сделать движения — камнем пошел ко дну.

Я нырнул. — Какая жалость! Ничего не получилось, — прошептал он, когда я его снова держал на руках. В эту минуту я заметил, что из его больших черных глаз каплялись слезы.

Смотреть спокойно на эти слезы я не мог. У меня дрожали ноги и с каждым ударом сердца все больше и больше слабела рука. Несмотря на просьбу Бычкова — хоть еще разок окуная его с головой, я вынес скользящее тело и бережно положил на кожаную тулжурку.

Я долго пытал и плавал, но никак не мог успокоиться. Когда, наконец, я выныл на берег и стал одеваться, мои глаза невольно остановились на спутнике. Пенкин стоял, прилонившись к высокому сухому дереву, а Бычков, улыбаясь, гребком расчесывая непослушные кудри. За его спиной торчал пень какого-то скошенного грозой или бурей дерева, со всех сторон окруженный молодыми побегами с густыми, сочными листьями.

— А ну-ка, закури махратники, — предложил мне Бычков.

Я с удовольствием свернул «козью ножку» и стал рассматривать вышитый кист.

— «Кого люблю — тому дарю», — вслух прочел я.

— Было такое дело, — признался Бычков, выпуская клубы дыма. На минуту его лицо омрачилось, а потом расцело задорной улыбки.

Мне еще больше стало жаль его. Но вера в то, что этот обрубок не умер, а брызжет жизнью, окончательно рассеяла мои мрачные думы.

С Бычкова я перевел глаза на Пенкина. Он все так же стоял, широко окуная голову, равнодушный ко всему окружающему.

— До свидания, товарищи, может, когда встретимся, — с трудом произнес я, подавая Бычкову руку.

— Буду ждать. На гармошке тебе разрекла, сплю...

Я еще раз крепко сжал широкую ладонь, кивнул головой в сторону Пенкина и без оглядки зашагал по дороге.

С Бычковым, к сожалению, мне не довелось встретиться.

И теперь, спустя много лет, когда я вижу себя, окруженный молодыми побегами, в моей памяти невольно всплывает образ худощавого физически, но не утратившего жизненной силы и оптимизма человека. Когда же встречаюсь с людьми, на лицах которых беспредельная тьма, мне всегда вспоминается то человеку не нужное хмельное дерево, у которого стоял Пенкин.

*Минуту то, как-то нехитрое, записано у которого
Стоит Пенкин.*

Писните кароче и не так сухо.

Апрель.

*Май - 1988. ~~Наш~~ Похоту не высокого ге.
словес и негиз сравните с нехитроем,
эти-оиз воеоких.*

Ничего гудов без ног - синего вена

Рыбачь-аншина,

Наравноме разекас и кошките в

"Красенно"

Аншина

ТАНЦЫ ПЕНДЖАБСКИХ КРЕСТЬЯН

Стремительный прыжок, и один из танцующих, словно птица, на какое-то мгновение застывает в воздухе, над лошадью и плещущей толпой крестьян.

Нашим читателям мало знакомы особенности жизни и быта населения одной из крупнейших провинций Индии — Пенджаба. По просьбе редакции известнейший индийский писатель Балвант Гари записал на фотоаппарат один из массовых танцев, характерный для этой провинции. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов, который состоялся в будущем году в Москве, примут участие танцы юноши и девушки Пенджаба. Наряду с другими видами искусства они продемонстрируют и традиционные танцы своего трудолюбивого народа. Публикуемый фотозаписи был передан автором в «Смену» после возвращения писателя из Варшавы, где на V Всемирном фестивале молодежи и студентов его удостоили серебряной медали за рассказ «Рунопантат», напечатанный в свое время в нашем журнале.

В танцах народов различных стран есть много общего: яркие костюмы, стремительный ритм, необычайная простота. Не только достижениям науки дано возможность народам ближе узнать друг друга — этому способствует и народное танцевальное искусство, ведь выразительный язык жестов и музыкальный ритм понятны каждому.

В Советском Союзе мне довелось присутствовать на концертах русских, армянских, азербайджанских,

узбекских и цыганских ансамблей. И всякий раз я испытывал такое же удовольствие и волнение, как у себя на родине, когда любознательным зрителем массовых пенджабских танцев. Мне было очень приятно видеть, что в Советском Союзе сохраняются национальные традиции во всей своей красоте.

На севере Индии, в провинции Пенджаб, где я родился, население занимается преимущественно земледелием. После сбора урожая крестьяне отвечают это событие песнями и танцами. Представьте себе юношей и пожилых людей в туго накрахмаленных тюрбанах и с повязанными вокруг талии клетчатными шариками, свисающими наподобие юбок. На шее у каждого висит амулет, в руке — бамбуковая палка с тинявыми торцами. Танцующие образуют круг, в то время как мушкетер ритмично бьет в барабан. Иногда танцуют парами, ударяя в ладоши, быстро двигаясь вперед. Глаза танцующих смеются, руки, словно крылья, то поднимаются, то опускаются вверх и вниз. В хоре поются. Юноши высоко подпрыгивают, издавая радостные возгласы, а бубенчики на их ногах браслетом мелодично звенят.

Танец всегда сопровождается песней. Запевает ее один из танцующих, то опускается вниз и в хоре подхватывает ухом, когда приходится брать высокую ноту. После каждого куплета следует припев, подхватываемый всеми танцующими, и псалом становится еще более бурной, а звуки барабана еще громче.

В одной песне говорится о любви крестьянина и свободе, в другой — о борьбе бедного люда с помещиками-богачами, которые в годы господства империалистической системы, в третьей — надругательствует на несправедливости и враньи помещиков, чинимых помещиками.

Во многих песнях, сопровождающих танцы, с большой силой звучат и антиимпериалистические мотивы. Крестьяне Пенджаба, которых колонизаторы вербовали и отправляли на войну, не знали, да что они должны воевать, империалисты использовали их как дешевое пушечное мясо.

И страдало всю свою жизнь. Слезы, как песчинки, и зноило. Потому что мой муж ушел на войну...

Танец, во время которого поют эту песню, по своему ритму и темперamentности напоминает исфир, падающий с навесов под ударами тинявого молота. Искрометной силой жинт полны и другие танцы, которые после дневных трудов исполняют пенджабские крестьяне.

Балвант ГАРИ

Владимир ВАРНО БАЛЛАДА О ДОМЕ

Не прихоти ради
Я стал возвращать старину.
Населения предель
На дом себе в год по приходу.
Он в локомотиве или
Тачил, выживая из сил.
И те по чернотине,
Сколько протерев срубил.
Кружило, знобило
У бора сырого в гостях.
Но вот на ступени
Солона домыка, хруста,
Родная ржанка...
Над ней синевастый дымок.
Хозяин, жена и
Детишка идут за порог.
Холодья скверить,
На ней не богатая сбеда.
Эх, если бы в хате
Еще и достаток имел!
Но в жинт бедовой
Не вычеркнута горе до дна.
И падает слово,
Как молния в скриду:

Война!
Французской мотрирой
Привал на двенадцатый год.
Чужие мундиры
Гледают у тесовых ворот.
Кипрал бесноватый
Привал на немецкую солдат.
Хозяевам тачил
Из дома убраться велят.
Отправилась в блужинь,
Семью притянувший ленок.
«Постой, царь-солнышко,
Умо тебе будет уроки!
По колкому ржищу,
Меж брошенных в поле телег,
К родному жилищу
Копыта в ночь маловек.
Подходит он к дому
(О, только достало бы сил!),
Охлеку соломы
Со вздохом к стене привалил.
Досады, царь-солнышко,
Сонливая оудр к утру.
О кремль красало —
Малиново светится трут.
А попорка вдалеке
Над Русью священный пожар.
Народ отвечает
Ударом враню на удар.
г. Молодечно.

Александр РОМАНОВ

СЧЕТОВОД

Его считали бюрократом,
Неисправимым суфлером.
Он выдал и из зарплата,
Не горюлся, в углу своем.
С лицом нахмуленным суровым,
Спокойный, тихий счетовод
На шутку не промолвит слова
И даже глазом не моргнет.
А все высчитывает что-то,
Склонивши голову слегка,
И, как по клавишам, по счетам
Летает влетая рука.
Нички не верилось, денгатам,
Что может петь и плакать он:
«Неисправимый бюрократом»,
Казалось им, он был рожден.
Но как-то в тихую контору
Зашел знакомый почталон,
Зашла та девушка, с которой
Уже не раз брались он.
И тут как будто бы впервые
Взглянул он добрые глаза,
Взглянул на волосы густые,
Взглянул — и краской залился.
И расписался на бумагах,
Не там, где нужно, в первый раз.
Нички не верилось, денгатам,
И позабыл про них тотчас.
«Наутро, у дверей услышав,
Как пел в конторе счетовод,
Мы говорили: «Пусть, тише!
Не заходите, пусть поест!»
г. Вологда.

Под барабанный бой и мелодичный звон колокольчиков на ножных браслетах исполняется один из традиционных пенджабских танцев.

Н. Лоя.

Смереки. (Ели в Карпатах).

А. Федотов.

В горах Саянских.

Иллюстрации
к поэме А. С. Пушкина
«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Художники-графини неоднократно обращались к замечательной поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Ее богатый сказочный сюжет, яркие образы героев, великолепие картин русской природы открывают широкие возможности для творческой работы иллюстратора.

Этой теме посвятил свою дипломную работу молодой художник-выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Александр Зыков. Его рисунки к поэме получили высокую оценку Государственной межнациональной комиссии и были направлены на Всесоюзную выставку дипломных работ студентов художественных вузов СССР.

На этой выставке мы помещаем несколько рисунков А. Зыкова.

...Поезд миновал пограничную станцию Вайниккала. Вы глядите на мелькающие за окнами вагона мачуги, как будто прямо на границе растущие сосны, и вам somehow вспоминается «Зимняя сказка» Захария Топелиуса — «финского Андерсена». Такие огромные сосны обладают у сказочника волшебным свойством — приносят маленьким детям чудесные дары. Но я знаю: жили когда-нибудь на свете крестьянские ребятишки Сильвестр и Салавия или они создали только фантазией художника? Но в сказке Топелиуса поэтически отразилась любовь народа к лесу, который издавна составлял национальное богатство страны, придал неповторимое своеобразие ее пейзажам и даже облик финских городов, как бы врубившихся в зеленый массив. Не случайно и самое имена героев сказки Топелиуса словно бы найдены в лесу. Ведь «сильва» по-латыни значит «лес».

Путешествуя по Финляндии, мы не раз убеждались, как много значит лес для финнов. Это и лесопильная, и бумажная, и мебельная промышленность. Это фанера, целлюлоза, это сборные ставленческие дома. Лес как источник сырья, частично возмещает финнам отсутствие собственной нефти и угля. Он является важнейшим предметом финского экспорта. Впрочем, за последние годы благодаря торговле с Советским Союзом Финляндия больше стала вывозить и продукцию своей индустрии. В городе Турку на реке Ара, неподалеку от старого приморского города, напоминающего всем, кто едет через городской мост, об этом парусного флюта, на верях завода «Крейф-Турку» строится большие суда для Советского Союза.

И в других городах Финляндии так часто слышали о советских закатах. Сейчас они обеспечивают нашу внутреннюю работу и заработок тысячам финнов. А на станции Вайниккала в ожидании отправления нашего поезда мы насчитали десятки вагонов с углем, минеральными удобрениями, зерном и другими грузами, прибывшими из Советского Союза в счет финских заказов. Добрый знак делового экономического сотрудничества.

Финны много строят и охотно показывают свое новое коммунальное и промышленное строительство. Город спорта — живописный Хельсинки — город только что мощной радиостанцией, большим лыжным трамплином, но и кварталами новых многоэтажных домов. Одну из центральных площадей украшает скульптурное изображение ласточки. Он как бы олицетворяет судьбу молодого города, чей быстрый рост тут любят сравнивать с полетом ласточки. Но при всем том финские города сохраняют своеобразный облик. Большинство домов небольшие и скорее напоминают легкие дачные коттеджи, только на суровом гранитном фундаменте.

Хотя в Финляндии домов строится сейчас немало, жилищная проблема остается весьма острой. Не всякий решится купить квартиру. Ежегодный налог очень велик; даже если воспользоваться рассрочкой на десять лет, и то приобрести квартиру не в каждом под силу.

В том же Хельсинки, где приезжим показывают новые многоквартирные дома, мы как-то провели целый вечер в гостях у рабочего-сле-

В стране лесов и озер

саря в тесной и не очень удобной комнате. Этот опытный и квалифицированный мастер из года в год вынужден снимать ее вместе с крохотной кухонькой за высокую плату.

Впрочем, это был, так сказать, «неофициальный» визит, заранее не предусмотренный в туристских программах и потому, быть может, особенно запомнившийся. На улице к нам подошел невысокий, плотный человек и, представив свою жену и себя, сказал, что они рады встретиться русских в Хельсинки, и добавил, смущенно улыбаясь, что счастливы будут выехать нас у себя дома...

Когда мы приехали в Турку, нас сразу же повела осматривать новую достопримечательность города — концертный зал, построенный взамен сгоревшего недавно здания местного театра. Акустика нового зала очень хвалят. Не знаю, не берусь судить. Мне довелось побывать там не на концерте, а на гимнастических соревно-

ваний молодежи. Но архитектуре самого здания, чем-то напоминающего гигантскую улитку, не променяла на нас трепетного впечатления.

К чести новой финской архитектуры, нужно сказать, что такие сооружения, как концертный зал в Турку, для нас мало типичны. Размешенное училище в Хамеэнлине, новая народная школа в Турку или кварталы новостроек в Хельсинки привлекают простотой и скромностью. Разумная расчетливость тут сочетается с удобством. Широкие окна без переплетов открывают доступ свету и воздуху; благодаря разнообразной окраске наружных стен, балконов, оконных наличников, гладкие фасады типовых домов производят впечатление однородности; при проектировании тщательно учитываются и удачно используются окружающий пейзаж. В Хельсинки между корпусами новых домов бережно сохраняются зеленые островки.

Финны любят зелень. Не только в частных домах, но и в спортивных залах, школьных классах, общественных залах нередко можно увидеть прикрепленный прямо к стене цветочный горшочек, от которого вдоль всей стены тянутся стелбища плоской, воскового дерева или другого вьющегося растения.

Мы долго осматривали народную школу в Турку, интересуясь и планировкой зданий и организацией занятий. Был воскресный день, школа пустовала. Если бы мы не знали, что она стала в эксплуатацию осенью и что ежедневно здесь занимаются 1100 детей, можно было бы подумать, что после ухода студентов, кроме нас, советских туристов, в школе еще никто не успел побывать. Чистота и аккуратность — это первое, что бросилось нам в глаза в учебных классах и особенно в мастерских с токарными и слесарными инструментами для мальчиков, швейными машинками и даже двумя новыми компьютерными для девочек. Директор школы Минка Хирвалла объяснила нам, что в дни практических занятий по домоводству на «учебных» плитках девочки готовят обед для своего класса. Потом он повел нас в соседнюю комнату, вымыв из детской кроватки большую красную чашку, объяснил, что это «учебный» ребежок, а коммунка «субебика» детсадовская. Тут девочки учатся ухаживать за ребенком. Нам очень понравилось, с какой предусмотрительностью и заботливостью в классах для девочек школы Минки Хирвалла объяснили, как надо обращаться с молодой хозяйкой.

Но больше всего нам понравились самый метод обучения, когда трудные моменты урока непосредственно превращаются в игровую игру и когда девочки, играя, приобретают множество полезных навыков.

Каждый день нашего пребывания в Финляндии был насыщен впечатлениями. Мы посетили музеи и картинные галереи, древнюю улочку ремесленников в Турку и порт Котка, один из крупнейших в Финляндии, швейную кондитерскую фабрику, молочную ферму и маленькую, положую на часовой, церковь XIV века, где рядом с чудесными деревянными скульптурами, изображающими ребенка, чья сама церковь, хранится модель парусного корабля в память о том, что здесь когда-то горнично молились за благополучие своих братьев и сестер, братьев, сыновей. В Тампере с волевым, лояльным каждому советскому человеку, мы посетили музей В. И. Ленина, где нас дружески приветствовал хранитель музея, ветеран революционного движения Ханнес Юонен. А потом, слушавшись этажом ниже, мы беседовали в маленьком артистическом кафе с Калерво Ниссала, режиссером Рабочего театра. Пятьдесят лет назад, в дни исторической Тамперфорской конференции, театр давал здесь свои спектакли, и уже тогда играла на его сцене здравствующая и поныне старшая актриса театра Лидия Эрнэ.

Вспоминаются и другие встречи. В поездах, на улицах городов, в ресторанах, услышав русскую речь, и советским туристам часто подходили мужчины и женщины, пожимали руки и приветствовали коротким словом «терве» (здравствуйте). Главный кон-

Один из живописных городов Финляндии — Тампере.

Тампере. Уголок музея с личными вещами В. И. Ленина.

дуктор на линии Койвакс — Койвола сказал нам, улыбаясь, как старым знакомым, что он недавно сопровождал советских артистов в поездке по Финляндии и вот уже несколько недель изучает русский язык. Старательно выводя русские буквы, он апсила в мой блокнот свое имя «Вяйно Прикка Койвола». В поездке у нас завязалась дружба и с молодой лаборанткой бумажной фабрики в Кареула Тойни Юккаринен, которая в этот ясный воскресный день ехала куда-то с мужем и двумя девочками. В ее сумочке оказалась большая папка советских фотографий — память о прошломедне посещении СССР в составе финской рабочей делегации. И мы рады были прикрепить к ее копточке рядом со знаком, купленным Тойни на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, новый, с изображением Московского университета.

Вяйно Прикка рад побеседовать с гостями из Советского Союза.

А сколько у нас было добровольных проводников! Достопримечательности Котки нам показывал директор банка Пекка Варгтайнен. По картинной галерее Турку нас водил старый художник Йохан Дьялькерт, случайно встретившись с нами в залах галереи. Его рассказы помогли нам глубже почувствовать суровую красоту полотен финских мастеров. И, вероятно, многих из нас он сдружил в тот день с живописью своего учителя, замечательного финского художника Виктора Вестеркюля.

Мы побывали и в кабинете славянского языка и литературы Хельсинского университета. Собрание русских книг тут пока невелико, как невелико и само славянское отделение. Но мне показалось, что история комплектования этой маленькой библиотеки в какой-то степени самодовлеющая. Ядро библиотеки составляет собрание русских дореволюционных книг, среди которых есть немало редкостей. В последующие годы библиотека пополнилась главным образом «трудями» белэмэригистских специалистов по русской литературе, вроде неизвестного Глеба Струве. Вероятно, и сейчас еще кое-кому выгодно засорять библиотеку подобными изданиями. Но все же основная масса книг теперь поступает из Советского Союза и стран народной демократии. Нам приятно было увидеть на полках знакомые старые корешки Большой Советской Энциклопедии, академическое издание истории русской литературы, труды советских филологов по языку, 14-томное собрание сочинений Льва Толстого и другие советские издания.

В конце концов, как бы ни был разнообразен шестидесятилетнее стране, которую посещался, самым ярким, самым значительным оказывается впечатление от общения с людьми. Чем больше встречаешься в чужой, незнакомой стране, тем лучше ее узнаешь. В Финляндии у нас завязалось много хороших знакомств. Вот почему мы повсюду ели обогатенные не только впечатлениями. Мы стали более дружными. И это, пожалуй, самое главное.

Б. ГАЛАНОВ

Джеймс ХЕНЛИ

ЖКЗ

Рассказ

Рисунок В. Камениского.

в сорок пять человек, получая за это какие-нибудь два фута за неделю. Да еще иметь дело с такими олухами, как этот Феррис!

Мистер Локриэн нагибается над спиной учеником и кричит ему яростно: — Феррис! Проснись!

— Мальчик вскакивает, как ужаленный. Он, видимо, ничего не соображает, сонными глазами удивленно смотрит на мистера Локриэна. Бессмысленное выражение его лица приводит учителя в ярость. Он хватается мальчика за ухо и треплет, приговаривая:

— Ты что, хочешь, чтоб я ни на минуту не отходил от тебя? Поднявшись, подтянулся, охуэ этак! Ты в школе, а не в зернице!

Учитель вырывает мальчишку из объятий класса, пронесшись шепотом. Кто-то из учеников громко хихикает. Мистер Локриэн ударяет кулаком по столу.

— Тише! — кричит он на все классы.

Ученики сразу затихают. Все смотрят на учителя. Обычно бледное лицо мистера Локриэна становится пунцовым. Он еще раз ударяет кулаком по столу.

— Внимание! Слышите? Через полчаса к нам придет экзаменатор. И я вас предупреджаю: тот, кто срывается сегодня, получит от меня как следует. За последнее неделю я поучился с вами немало. — Он быстро переводит взгляд на Ферриса. — Ты слушаешь, Феррис!

— Да, сэр.

Учитель не совсем в этом уверен. Ему кажется, что ученик продолжает думать даже в те короткие минуты, когда он, мистер Локриэн, обращается ко всему классу.

— Слушаешь? — спрашивает он еще раз, и ученик еще раз отвечает: — Да, сэр.

— Хорошо. А теперь все свое внимание вы должны сосредоточить на катехизисе. Я отберу у вас книжки и начну сам проверять. — Ученики поспешно достают книжки из парт и кладут их перед собой. В классе замирает напряженная тишина. Мистер Локриэн поглядывает то на одного, то на другого ученика. «Класс неплохой», — думает он. — Вот если бы только из этой драмной «мальчишки!» Внезапно он срывается с места и подбегает к Феррису.

— А где твой катехизис! Почему не принес его в класс?

Феррис отвечает, что у него нет катехизиса.

— Тогда читай молитвы! Почему не принес их в класс?

Феррис отвечает, что у него нет молитв.

— Тогда читай молитвы со своим соседом, — предлагает ученику, а про себя думает: «Невозможный мальчишка! Наверное, сейчас заснет опять!»

Мистер Локриэн внимательно наблюдает за учеником, который давно уже клонит носом. Но вот, ступившись лбом о парту, мальчик от неожиданности вскакивает, и с удивлением замечает, что на него глядит учитель.

— Сиди как следует, Феррис! Что с тобой?

Теперь уже весь класс смотрит на провинившегося. Ученик сидит, потупив глаза. По лицу мистера Локриэна он видит, что тот им недоволен, и старается сидеть прямо. Он напрягает все силы, но не в состоянии победить одолевшую его дремоту. Глаза закрываются сами собой, приятное ощущение овладевает им, голова начинает опускаться все ниже и ниже. Учитель, продолжая следить за ним, окликает взглядом класс. Все сидит как надо, и только Феррис нарушает порядок. Помните, ребята, когда придет отец Дэнфи, вы должны внимательно его слушать и бойко отвечать на все вопросы.

Пауза. Учитель еще раз окликает взглядом класс.

— Будем помнить, сэр.

Феррис пока сидит хорошо. Мистер Локриэн вздыхает с облегчением и продолжает:

— Помните, что я старался подтянуть каждого из вас. И если кто-нибудь не сумеет ответить на вопросы, пусть встанет на себя.

Отец Дэнфи не станет задавать трудных вопросов, но вы должны быть готовы ко всему. Например...

Мистер Локриэн внезапно умолкает. Он замечает, что Феррис спит. Голова мальчишки опустилась на парту, как его каштановые волосы навис над чернильнойцей.

Учитель подходит к Феррису и несколько секунд стоит рядом. Ученики, как один, поворачивают головы в его сторону — Феррис всегда привлекает их внимание. Без него жизнь, кажется, была бы более случайной и серой.

Мистер Локриэн хватается мальчишка за плечо и слегка встряхивает.

Но тот так крепко спит, что не просыпается. Учитель возмущен. Он знает, что глаза всего класса устремлены на него. Феррис никогда ему не нравился. Страшный типчик. Всегда засыпает на уроках. Что может требовать школьная администрация от учителя, если ему приходится вести класс

Имя

Он идет к своему столу и садится. Тишина в классе становится все более напряженной. Увидев, что происходит, Мистер Локрен не спускает глаз со своих питомцев.

Джон Феррис — худой, слабый мальчик лет тринадцати. Отец его, довер, давно уже был безработным. Джону не раз хотелось расказать об этом учителю, но он боялся. Сегодня утром он встал чуть свет, чтобы разнести газеты. Он это делал каждое утро с семи до половины девятого. Это был его заработок. Часто случалось, что газеты запаздывали с выходом. Так происходило и сегодня. Феррис страшно устал. Он шел в школу без завтрака. Отец ушел в шесть утра отправился на поиски работы. Мать давно умерла. Сестра обрала на него мучительную судьбу. И Джон часто приходил в школу голодным. Ему очень хотелось объяснить учителю, почему он засыпает на уроках, но он боялся. Мистер Локрен всегда так строго относился к нему.

Феррис невольно бросил взгляд на лицо и руки своего соседа по парте. Какое оно было и какие у него руки желтые, грязные. А как он одет!

Феррис вдруг сорвался: от голода у него начались спазмы желудка. Когда он будет накормлен двенадцать часов! Ему страшно хочется взглянуть на часы.

Преодолев робость, он наконец поднял руку и спросил:

— Можно мне выйти, сэр? — Что?

Видя, что учитель поднимается из-за стола, Феррис вздрогнул.

— Можно ли выйти? Гм! Никому не хочется выходить, только тебе одному... А прочем, ступай, но сейчас же возвращайся!

— Слушаюсь, сэр.

Выйдя в уборную и завянув за собой дверь, он достал из кармана кусочек канфинолы и усердно стал натирать ею ладони: если учитель начнет бить палкой, на него сильно будет чувствоваться боль. А палка ему сегодня не избежать. Ведь палка являлась неизменным спутником школьной жизни Ферриса. Сегодня ему даже могут выпалить больше, чем обычно.

Он спрятал канфинолу в карман и вернулся в класс. Мистер Локрен посмотрел на него подозрительно. Но в эту минуту открылась дверь и в класс вошел отец Дэнфи. Ученики встали:

— Здравствуйте, — отец Дэнфи! Отец Дэнфи — здоровенный, широкоплечий мужчина, выше шести футов ростом. Его широкие красные лодыжки сияют. Маленькие глазки сверкают из-за стелок розовых очков. Он обводит класс внимательным взглядом и, повернувшись к учителю, говорит с улыбкой:

— Каким-нибудь неприятности сегодня, мистер Локрен?

— Нет, отец Дэнфи, — отвечает учитель. Но тут его взгляд останавливается на Феррисе. — Есть у меня один ученик, с которым всегда происходят недоразумения, но его уж, видно, не исправ-

Отец Дэнфи что-то бормочет себе под нос и занимает место за своим столом.

Громкий, грозный, он, казалось, взглядом пронизывает сидящих перед ним мальчиков. Он, он сразу узнает этого ученика! Пусть учителя не подсказывает. Недаром отец Дэнфи гордится своей психологической проницательностью. И вот взгляд его останавливается на Феррисе. Как назло, в эту минуту у него что-то начинает гудеть носом. Мистер Локрен смотрит на экзаменатора. Он сразу понимает друг друга. Отец Дэнфи стучит по столу.

— Слушайте, что я скажу вам, дорогие дети, — начинает он. — В катехизисе у вас есть слово «Имбов». Я спросил кого-нибудь из вас, что оно означает и какое его происхождение. Я также попросил дать мне описание этого места, указать, где оно находится и для чего предназначено. — Парни молчат. Слово «Имбов» молниеносно врывается в мозг каждого ученика и крепко там застревает. Каждый думает, что спросит именно его. Мистер Локрен стоит в стороне и смотрит на мальчика у стеклянной перегородки. Отсюда хорошо можно наблюдать за тем, что делается в соседнем классе. Занависши этим, учитель, что время забывает об отце Дэнфи.

Но неожиданно раздавшийся знакомый голос заставляет его оборотиться. Перед учительским столом стоит Феррис и смотрит прямо в глаза отцу Дэнфи.

— Ну-ка, дитя мое, расскажи мне все, что ты знаешь об «Имбов».

Глаза отца Дэнфи быстро моргают, стараясь запомнить все, что слышит за стеклами больших розовых очков. Ученик отводит взгляд. Слово «Имбов» вырван кружится в его голове. В бешеном танце проносится оно гле-то-плато-плато-плато. Отец Дэнфи. Феррису так хочется схватить его. Если ему это не удастся, он не сможет ответить на вопрос.

Отец Дэнфи ждет, положив на стол пухлую красную руку. Несомненно, это тот самый ученик, которого имел в виду мистер Локрен. «Им!» — отпалачивается экзаменатор, продолжая ждать. А его необъяснимого в том нет, что мальчик так долго мнется, — думает он. — Этот ученик просто собирается с мыслями и к тому же немножко нервничает. С детства это бывает. Девочки гораздо живее и деятельнее своих сверстников — мальчишек. А этот мальчуган, как видно, тупица... И отец Дэнфи решает ему помочь:

— Ну что, мой дорогой? Если ты внимательно читал катехизис... Он делает паузу, чтобы мальчик взглянул на него. — Если ты прилежно изучал его, то должен знать, что «Имбов» — это такое место, которое всемогущий бог уготовил специально для... Нет, дальше он не должен под-сказывать. Назем и без того уже слишком прозрачный. Но ученик продолжает стоять как вкопанный; глаза его дико блуждают. Отец Дэнфи встает. Ему кажется, что класс не проявляет никакого внимания.

— Я узнал тебя! — вдруг восклицает он, указывая коротким пухлым пальцем на Ферриса.

Ученик открывает рот, собира-

ясь что-то сказать, но только странной, глухой зыбкой вырывается из его гортани. Удивленно от-ца Дэнфи, ученик вскидывает руки над головой, как бы защищаясь от удара. «Этот мальчик, видимо, просто дурак», — решает отец Дэнфи, и, выходя из класса, идет из-за стола и направляется к Феррису. Все класс с напряженным вниманием следит за каждым его движением. А когда этот здоровенный, грозный мужчина подходит к мальчику, тот невольно плетится назад и чуть не падает на ближайшую парту. Все в классе повертывают головы в ту сторону. Даже сам мистер Локрен.

Зрелище действительно необычайное. Отец Дэнфи стоит рядом с Феррисом.

— Отец Дэнфи... я... я больше не буду!

Отец Дэнфи улыбается, кладет свою громадную лапу на плечо Феррису и говорит:

— Парни, ребята, дитя мое. Он видит, что ученик дрожит, и думает: «Грустика, и больше ничего». Он ставит Ферриса перед классом. Лицо ученика становится красным, и у него опять начинаются спазмы от голода. Он вот-вот расплещется.

— Стой прямо, ты, медлоболый! — сердито кричит мистер Локрен, когда Феррис начинает корчиться от боли.

Ох, и достается же этому недолгику за то, что он держит себя перед экзаменатором, как идиот! Феррис горбит и смотрит на учителя. Горящие лобов, тонко у хорька, глаза мистера Локрена впииваются в него. Зыбк Ферриса словно прилипает к гортани.

— На будь же тамки, упрямчик, дитя мое! — мягко проанонсир Дэнфи.

Как раз в этот момент мистер Локрен вышел из класса, оставив дверь открытой. Учитель подошел к холодильнику, где готовили обеды для учителей, и в класс во-реался аппетитный запах жареного бифштекса. Феррис, казалось, всем существом своим ощутил этот дурманящий аромат. И вот он мысленно уже не в классе, а в кухне. Он ясно видит, как мистер Дюфрис кладет на тарелку большую порцию дымящегося бифштекса и подает ему, Феррису. В это блаженное мгновение он забывает о спазмах, забывает о «Имбов», об отце Дэнфи, об учителе. Класс для него не существует. Так его доминирует голод.

— Да ты упрямей! — слышит он у себя над головой. Феррис опускает глаза и видит черные лоскуты вымявшего бифштекса. Отец Дэнфи — Упрямство — это не только признак дурного воспитания, но и полного пренебрежения религиозным учением, которое преводается в школу. Ты издрож-но ищешь «Имбов» в этой комнате, дитя мое.

Отец Дэнфи умоляет. Ученики затевают дыкание. Мистер Локрен возвращает в класс и садится за парту Ферриса...

Мертвая тишина нарушается лишь монотонным голосом отца Дэнфи:

— Пренебрежительное отношение к религиозному воспитанию указывать на... Он на несколько секунд прерывает свою речь, замечает, что Феррис плещет... Я думаю, — продолжает отец Дэнфи, — что твой ученик знает на этот вопрос. Каждый мальчик твоего возраста должен

знать, что такое преддверие ада и где оно находится, это преддверие. Разве не сын галатеи? По-что создал его, когда сотворил мир?

Феррис будто и не слышит, что ему говорят. Он молчит. Его сильно тошнит. Причиной тому бифштекс. Ему мучится, что перед ним не экзаменатор, а родной отец и он слышит его голос: — Ну, ну, вставай же скорее, лодырь! За газетками. По-завтракваше потом, а поленды, когда вернешься из школы...

— Конечно, вся беда в том, что, — повышает голос экзаменатор, хватая Ферриса за воротник, — широрот и кладя его на стол, — несомненно, вся беда в том, что ты забываешь ходить в церковь! Отсюда и упрямство и притворная тупость. Тебя ведь не раз вытаскивали, но не ходить в церковь, шлеться где попало и лезть рыбить в воскресенье — значит поминавать дьявола и подготавливать свою душу к вечному пламени в аду! Вот в этом все зло! — Отец Дэнфи взмывает палкой и ударяет ученика. — Будешь теперь помнить, что в воскресенье надо ходить в церковь! Нельзя пропускать мессу! Я знаю тебя! Мистер Локрен рассказал мне все о тебе.

Снова взвизывая и опускаясь на спину Ферриса палка, но он даже не стонет.

— Да, теперь будешь помнить, как пропускать мессу! Это тебе за то, что ты пропустил мессу в воскресенье! — Отец Дэнфи уже не говорит, а кричит, поднимая и опуская палку. — Больше ты этого делать не будешь! Запомни раз и навсегда. И все же заруби-те себе на носу: то не будет ходить в церковь во воскресенье, получишь достойную кару!

Перевод с английского П. ОКРИМЕНКО.

пятнадцать — шестнадцать лет, они, уже научившись во время частых стоек в термье лить и играть на деньги, поднимаются на следующую ступень: из побужркул делается жукам.

Но кто они, эти дети, которые мола окрестла «дети Мачоч»? Обычно они проехают из очень бедных многодетных семей. Отец у них, возможно, — грузчик, бродячий продавец или ремесленник. Мать, наверное, — атрака, работающая по пятнадцать часов в день. А может быть, у этих детей вовсе нет ни отца, ни матери.

Они рождаются в каком-нибудь коммунальном — одним из тех полуразвалившихся домов, где в каждой тесной и грязной коммуналке живет по десять — двенадцать человек. Ожидая эти дети выходят из группы на улицу и не возвращаются домой, а дома их даже не вспоминают: все на один рот месить!

Бывает, что этих детей посылают просить милостыню, и они не возвращаются домой из страхи перед любимию, которыми их встроят за то, что собрали мало.

И вот все они собираются у мачочной реки Мачоча. На

ее берегах, под мостами, они находят места для ночовки. Там раскладывают целые компании бесприютных детей, спавших в обнимку с толстыми мешками, такими же отверженными, как и люди. И дети и собачки стаив чешью нераздельным: их связывает одно стремление — выжить. Они делают кусок хлеба и согретую друг друга теплом спривку тоа.

Ничета, неуверенность в завтрашнем дне, равнодушие правящего класса — вот за основу, на которой возникает драма этих детей. Их еще при рождении лишили права на детство, на надежду, на будущее, перед ними никогда гостеприемно не открывалась ни одна дверь.

Вспоминается один грустный эпизод. Было рождество. По традиции в эту ночь у каждого семейного стола стоит маленькая, ярко освещенная, украшенная блестящей бумагой и сладостями елка. Все члены семьи собираются около нее. Счастливая и мила. Проходя берегом Мачоча, мы неожиданно увидели такую сцену: у грязной вола собралась десятка обманавших ребят. Они окружали обштанную ветку иви, украшенную кусочками жести, старыми новогондими

Дети и ввук.

открытыми и пустыми бутылками. Подаяв горек костер. У огня дети лакомились объедками, которые им удалось добыть за день.

Результатом в Чиаи много говорилось об этих детях, но ничего решительного не было сделано, чтобы изменить их судьбу. Попытки отдельных прогрессивных организаций изменить положение детей кончались неудачей или вырвались из ихтиеты только немногих. Христианские религиозные организации создали несколько приютов, куда принимаются бесприютные дети, если их кто-нибудь рекомендует и если у них хорошее прошлое (а откуда им иметь его?) или, по крайней мере, «христианская душа» (а как ее определить?).

Государство делает кое-какие попытки бороться с ростом бесприютности, но видимых результатов пока нет. Почему так? Да потому, что все это «поиск спасения», как в Чиаи называют попытку понять следствия, отмахиваясь от причин.

Государственные власти прибегают и к другому «решению» проблемы, исключительно простому и наивному. Квалифицируют бесприютных «в некоторой степени опасными для общества», помещая примерно раз в месяц по ночам посылают полицейские машины, которые

подбирают бездомных детей. После нескольких ночей, проведенных в «колонной», пойманных бредет голодом, вывозят их за город и оставляют там. Однако, прежде чем полицейские машины успевают возвратиться в гараж, все дети оказываются на спривках прежних, привычных местах. Естественно, что такая процедура еще больше озлобляет детей, а присутствие в тюрьме действует на них развращающе, толкает на путь профессиональных преступников.

Однажды в газетах было помещено фото группы ребят, захваченных во время ночной облавы, — уже обреченных и подготовленных к вывозу за город. Машину было шесть лет, старшему — четырнадцать. И за всеми ними уже значился солидный полицейский список налетов и краж.

Детская преступность, бродячество, бесприютность — все это производится от условий, в которых мы живем. Нужно изменить эти условия. Бесполезно разлагать ответственность некоторых «буржуазных деятелей» о «рожденных других незаконностях». Когда люди будут думать о себе подобным как о существах равных, исчезнут «дети Мачоча» и совсем одинаково будет светить солнце.

Перевод с испанского В. ЖИТКОВА

Бездомные дети на берегу реки Мачоча.

«Помните, друзья! Люди не рождаются героями. Герои воспитываются изо дня в день в преодолении больших и маленьких трудностей».

Черны и рассказы сборника и по-казывают, как разные люди — геологи, моряки, летчики, нефтяники, поборники целины — в самых различных условиях и в разных концах Советской страны преодолели бедности и завоевали трудности и выходы победителей.

Все воспоминания очерков и рассказов, включенные в сборник, могут служить хорошим материалом для чтения и обсуждения на собраниях пионерских отрядов, а также для бесед с молодежью о смелости, мужестве, о том, что такое подвиг.

«РАССКАЗ О КОМСОМОЛЬСКИХ БУДНЯХ»

В серии брошюр об опыте комсомольской работы, издаваемых «Молодой гвардией», вышла книжочка С. Габриэля и Г. Ошевнера «Рассказ о комсомольских буднях».

Авторы живо рассказывают о пережитых героических буднях комсо-

мольского коллектива Кировоградского завода сельскохозяйственных машин «Красная звезда», их борьбу за выполнение производственных заданий, забор социалистического соревнования, их жизнь и быт, их удачу и неудачи. Книжку эту с оживленным интересом прочтут активисты и рабочие комсомольцы. Она много подкажет им, поможет расширять их, что «заис», что не читает, какие большие выгоды творить дружный комсомольский коллектив на работе производственной.

«НОВОЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

Как возникает живое существо? Какой путь прошла материя, прежде чем возникла особая форма ее движения — жизнь? Как представляет себе этот путь современная наука?

Отвечая на эти вопросы в брошюре «Новое о происхождении жизни на Земле», академик А. И. Опарино кратко и интересно рассказывает о том, как на Земле появился человек и сформировались все тот мир живых существ, который мы видим сейчас.

Эта брошюра издача «Молодой гвардией» в серии «Ученые — молодежи».

«ГИМНАСТИКА ДЛЯ ВСЕХ»

Издательство «Физкультура и спорт» выпустило книгу, переработанную и дополненную изданием инициатор заслуженного мастера спорта Н. Серого «Гимнастика для всех». Эта брошюра, — пишет в предисловии автор, — ставит своей задачей познакомить читателя с большим значением и многообразием физических упражнений. В брошюре даны советы занимающимся индивидуальной гимнастикой, приводятся примерные упражнения ежедневной утренней гимнастики для всех возрастов, основные упражнения для самостоятельных занятий в домашних условиях.

«ХРИСТИАНСТВО, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ»

Что такое христианская религия, как она возникла, как появился миф о Христе, как христианство из

религия угнетенных превратилась в религию угнетателей? На эти вопросы отвечает доктор исторических наук профессор И. И. Розенталь в брошюре «Христианство, его происхождение и сущность», изданной издательством «Знание».

Эта брошюра поможет комсомольцам организовать интересные и содержательные беседы с молодежью.

«ТАНЦЫ И ИГРЫ НА ВЕЧЕРЕ МОЛОДЕЖИ»

Издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник «Танцы и игры на вечерах молодежи». В нем рассказывается о массовых танцах и играх, которые можно использовать при составлении программы молодежного вечера. Особое внимание в книге уделяется интересным танцам, композициям русских, украинских, белорусских танцев, а также танцам других народов СССР.

Сборник издан в помощь клубным работникам, массовым активистам-затейникам.

РУЧНОЙ МЯЧ

Читатели «Смены» А. Копасов (Ульяновск), К. Дивангильдин (Семипалатинск) и другие спрашивают, что представляет собой игра в ручной мяч, популярная во Всесоюзный спортивный календарь 1966 года.

Редакция попросила ответить на этот вопрос преподавателя Всесоюзной секции ручного мяча В. С. Кудрявцева. Помощник беседе с ним нашего корреспондента.

Кто из любителей не знает, что такое футбол? Ручной мяч очень напоминает эту популярную, общезнавшую игру. Наиболее существенная разница между ними заключается в том, что в ручной мяч, как это видно из названия, играют не ногами, а руками. Если в футболе штрафуют за игру рукой, то в ручном мяче, наоборот, штрафуют за игру ногой.

Есть два варианта игры в ручной мяч: она проводится командами из 11 и из 7 человек. Игра 11:11 происходит на поле точно такого размера, как и футбольном. Ворота тоже размеры футбольных, но мяч значительно меньше, хотя и такой же по весу. Каждая команда в игре 11:11 состоит из пяти нападающих, двух полузащитников, трех защитников и вратаря. Играть можно на любой достаточно ровной площадке. Специальной обуви игрокам не требуется.

Для мужских команд (а команды могут быть и женские, и юношеские, и детские) состязание проводится в две половины по 30 минут каждая с 10-минутным перерывом. Начинается игра с центра.

«Прозвучал свисток судьи, мяч в игре. Нападающие одной из команд при поддержке полузащитников устремляются к воротам противника. Они передают друг другу мяч толчками одной рукой. Задерживать у себя мяч дольше, чем на три секунды, нельзя. Бежать с ним больше трех шагов тоже не разрешается».

Нападающие подходят все ближе и ближе к воротам противника. Но и защитники обороняющейся команды не дремлют. Они применяют или систему индивидуальной «опеки» каждого из противников, или же зонную защиту, имеющую распространение в баскетболе. Отнимать мяч разрешается только одной рукой с открытой ладонью.

Мяч переходит от команды к команде, но вот наконец игрокам одной стороны удалось прорваться к линии вратарской площадки, которая проходит в

одинадцати метрах от ворот. Отсюда обычно и производится завершающий бросок. Перезодить линию вратарской площадки игроки не имеют права. Летящий в ворота мяч вратарь может задерживать, отбирать, ловить не только руками, но и ногами. Если мяч окажется забитым в ворота, игра начинается с центра поля.

Нетрудно останавливаться сейчас на всех правилах и особенностях игры в ручной мяч. Тактика ее очень гибка, разнообразна, а техника значительно проще, общедоступнее футбольной и баскетбольной. Научиться играть в ручной мяч можно быстро.

Можно создавать команды по семь, а детские — по пять человек. Такие команды могут проводить между собой состязания на площадках значительно меньшего размера и даже в спортивных залах. Таким образом, в ручной мяч можно играть в любое время года, скатывая зимой эту игру зачастую проводят и на открытом воздухе.

Как и другие подвижные игры, ручной мяч развивает силу, ловкость, быстроту, выносливость и такие моральные качества, как воля, решительность, чувство коллективизма. Особая ценность этой игры. Ведь для состязания в ручной мяч не нужно ни особого оборудования, ни дорогого ручного мяча в отличие от тех, которыми, могут быть и женские, и юношеские, и детские.

Ручной мяч в нашей стране далеко не новинка. Игра эта появилась в России еще пятьдесят лет тому назад, называлась она тогда хандбол. В двадцатых годах ручной мяч был очень популярен в Москве, Ленинграде, и особенно на Украине. Многие очень известные футболисты и баскетболисты начинали заниматься спортом с игры в ручной мяч. Заслуженный мастер спорта Анатолий Анисимов был вратарем, Кручиников, а потом уже стал одним из лучших в стране футбольных вратарей. Заслуженный мастер спорта Степан Спандарян был игроком сборной Москвы в ручной мяч, а затем уже стал прославленным баскетболистом.

В последнее время ручной мячу у нас уделялось довольно много внимания. Однако игра эта настолько интересна, увлекательна и полезна, что теперь уже во многих местах происходит ее возрождение.

Особенно много новых команд дружинок возникло на Украине. Все больше широкую популярность приобретает ручной мяч не толь-

ко в украинских городах, но и в Москве, Ленинграде, Воронежской, Калининградской областях, в Литве, Латвии и Эстонии. Организуются первые команды и в других республиках. Дольше широкого распространения ручной мяч среди армянских спортсменов.

В прошлом году по инициативе ЦК ВЛКСМ было проведено очень хорошее мероприятие. Группы наших наиболее опытных тренеров выезжали в новые совхозы на целинных землях Литвы и Казахстана. Там они обучали игра в ручной мяч союзную молодежь, помогали создать постоянные команды.

Состязания в ручной мяч включены в Всесоюзный спортивный календарь. В начале сентября будут проведены встречи между мужскими командами Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Риги, Вильнюса и Таллина и женскими командами Москвы, Риги, Киева и Станислава. Кроме того, первенства и кубки по ручному мячу разыгрываются в этом году в Москве, Ленинграде, Украине, в прибалтийских республиках и среди спортсменов Советской Армии.

Читатели «Смены» могут заинтересовать вопрос о распространении игры в ручной мяч за рубежом. Наиболее популярна ручная игра в европейских странах, в первую очередь в Чехословакии, Венгрии, ГДР и Западной Германии, а также в Швеции и Дании; успешно развивается эта игра в Югославии, Румынии, Польше. Играть в ручной мяч в южноамериканских странах, особенно в Аргентине. Сильные команды дружинок имеются в Японии. Большинство национальных спортивных секций ручного мяча входит в Международную федерацию хандбола.

В 1936 году ручной мяч включается в программу олимпийских игр. Постоянно эти состязания включаются во Всемирные студенческие игры. Раз в три года происходит розыгрыш мирового первенства по ручному мячу.

Растущий интерес к ручному мячу в Советском Союзе позволяет сделать у нас эту игру массовой, вовлечь в нее десятки тысяч юношей и девушек. Массовость же, в свою очередь, даст нам возможность быстрее добиться мастерства, спортивных успехов на международной арене.

Играйте в ручной мяч, товарищи! Создавайте новые команды! Уверен, что эта игра вам понравится.

Взглянем в будущее

Импрессионистский журнал «Облещигильте» пользуется большой популярностью не только в Германской Демократической Республике, но и далеко за ее пределами.

Не беда, если читатель не знает немецкого языка: рисунки, помещаемые в журнале, так выразительны и остроумны, что их можно понять с первого взгляда. Тем же, кто знает немецкий язык, здесь и острые политические карикатуры, разоблачающие поджигателей войны, и политическая сатира, высмеивающая бюрократов, невежд, вельмож, и другие шаржи.

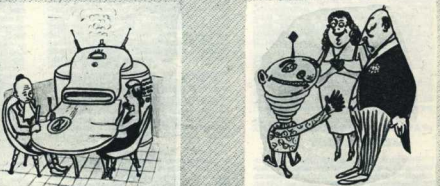
Мы публикуем на страницах журнала несколько карикатур Гари Паршу и Хорста Шраде, постоянных сотрудников «Облещигильте». Художники заглянули в будущее, их полными фантазиями сновидения десятилетия пронизана в атомный век.

«Стоит нажать кнопку, и с конвейера сходит готовый автомобиль. Но если человек, судящий за пульта, зазевается, может произойти непоправимая ошибка».

«Конечно, в атомный век женщины будут освобождены от нужды. Но и тогда за столом могут случиться маленкие неприятности».

«Найти возлюбленного станет значительно проще. Если его не окажется на Земле, то можно будет встретить на Марсе».

Карикатуры художников Паршу и Шраде вызывают хорошую, теплую улыбку.

— Уверю тебя, что я найду, да именно ту кнопку, которую указана в инструкции.

— Мы просим твоего благословения, папа. Мы познакомились на Марсе.

ПЕРЕД ГОНГОМ

В 1915 году впервые в истории проводился чемпионат России по боксу. Участвовало в нем всего 17 человек. Мастерство боксеров было на очень низком уровне. Между тем в таких странах, как Англия, Франция, Америка, бокс уже тогда был широко распространен. Русским боксерам пришлось приложить немало усилий, чтобы стать в первые ряды мастеров ринга. Сейчас у нас выросло много первоклассных бойцов. Среди них призеры чемпионатов Европы, победители Всемирных студенческих игр в Будапеште, Берлине, Будапеште, Варшаве...

Перед советскими боксерами стоит ответственная задача — хорошо подготовиться к XVI Олимпийским играм, которые состоятся осенью в австралийском городе Мельбурне. Но прежде чем выйти на зарубежные ринги, со-

ветские мастера кожаной перчатки встретятся на самых больших соревнованиях в истории нашего спорта — Спартакиаде народов СССР.

ланднивая, мужественная молодежь поможет избавиться от недостатков в технике и тактике, которые еще есть у наших боксеров. Она поднимет наш бокс.

На Спартакиаде народов СССР предстоят упорные бои. Восемнадцать команд будут оспаривать первое место, около двустот человек выйдут на ринг, чтобы бороться за золотые медали чемпионов страны и Спартакиады. Команда каждой республики, а также городов Москвы и Ленинграда будет состоять из десяти человек. По условиям соревнования на Спартакиаде запасных боксеров в командах не будет. После двух пораженных спортсмен теряет право участвовать в финальных соревнованиях. Это жесткое правило придаст боям на ринге особую остроту, заставит боксеров готовиться более тщательно, вести скрупулозную

уже прошли областные и зональные соревнования, которые выявили сильнейших боксеров республик. Среди победителей появились новые, ранее неизвестные имена — рижанин И. Энкузис, ленинградец В. Стольников, москвич Е. Феофанов, краснодарец В. Лагетко, ростовчанин Л. Музин и многие другие. Это хороший признак. Ведь только та-

манно. Однако и те, кто проигрывает две встречи, не прекращают соревнования. Они разыгрывают между собой последующие места, чтобы можно было не только видеть личный успех каждого боксера, но и успех команды в целом.

Скоро ударит гонг — и на ринге Большого московского стадиона начнутся бои.

В. ОЗМИДОВ,
начальник отдела боевой
Комитета по физкультуре
и спорту при Совете
Министров СССР.

ПРИЗ ИМЕНИ ДОЛГУШИНА

В июньские дни 1941 года, когда по всей стране раздался сигнал боевой тревоги, тысячи советских патриотов вступили добровольно в ряды Советской Армии. Среди них было много известных спортсменов. Взяв в руки винтовку и чепчик Советского Союза по гребле Александр Долгушин. Он пал героической смертью при выполнении боевого задания.

Детство и юность Александра Долгушина прошли на берегу Москвы-реки в семье старшего водной станции. Целые дни проводил мальчик у воды. Он ловко управлял тмелой, неповоротливой лодкой, нередко перевозил пассажиров через реку или совершал рейсы от Каменного моста до Ленинских гор.

На одном из столичных заводов, куда Саша поступил работать, он познакомился с известным в то время гребцом Петром Сергеевым. Пригласившись и рослому юноше, Сергеев нечто сказал ему:

— Ты, парень, создан для гребли. Смотри, ружнички наине у тебя! Зря всецело не занимаешься.

Слова спортсмена заставили Александра задуматься. Вскоре молодой гребец распрощался со своим «архидютом», как в шутку он называл старую лодку, и впервые в жизни сел за весла академического судна. Сначала он греб на восьмерке, затем на двойке. Но это не удовлетворяло его: он мечтал сестя на быстроходную одиночку-синф.

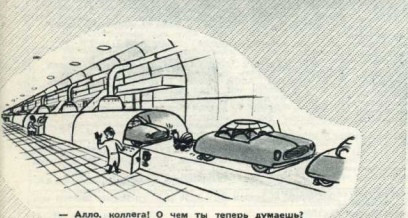
В конце концов Александр добился своего. Через некоторое время его синф стал самым быстрым в стране. На первенстве страны, которое состоялось в 1934 году, Долгушин проехал два километра с револьверной скоростью.

Главному судье этот результат показался невероятным, «или секундомеры подвели, или судьи ошиблись», — думал он. Но на следующих же соревнованиях Долгушин сумел добиться еще более высокого результата. С этого дня за ним упрочилась слава лучшего гребца. Семь лет он был бессменным чемпионом СССР. Его наивысший результат — 7 минут 15 секунд — держался долгое время. Только в 1932 году ленинградцу Юрию Тюкалову удалось показать лучшее время.

Александр Долгушин отличался редким трудолюбием, никогда не довольствовался достигнутым. Он охотно делился своим опытом с другими спортсменами.

...Ещеюдо 19 июня, в день рождения мастера спорта Александра Долгушина, на Месове-реке разыгрывается приз его имени. Прошлым летом этот приз завоевала студент негуманного института Александр Бернатов. Гоним проходила под проливным дождем. Грести было трудно, лодку заливало водой. Но никто не сложил весел: ведь разыгрывался приз памяти Долгушина, выдающегося советского гребца и бесстрашного воина-патриота.

Е. РУБИН

— Алло, коллеги! О чем ты теперь думаешь?

— Я, конечно, господин директор, не свигаю в мой электронный мозг: работает абсолютно надежно.

«Вятский чудодей»

ИСТОРИЯ УНИКАЛЬНЫХ ЧАСОВ

В Кировском областном музее хранятся различные часы, сделанные человеком из дерева. На крышке вырезано «И. М. Бронников в Вятских часах на ладони часа».

локно, образующих на срезе на редкость красивый рисунок. Вятские мастера знали способ обработки выжиганием и варом, что придавало ему удивительную прочность. «Клоп» — материал редкий и весьма ценный по часовой и особенно по часовым древесинам; не трескается, не растрескивается, не ссыхается — писал один из наиболее выдающихся вятских умельцев, Николай Михайлович Бронников. Однажды ему удалось сделать часы не из металла, а из дерева? Многие считали это чудом, несбыточным автором. Но Бронников твердо решил претворить в жизнь задуманное.

После долгих поисков он решил сделать вертухи часов на валу, стволки — на зимности, пружину — из упругого бамбука, а остальные детали механизма — из пальмового дерева.

Шесть лет потратил Бронников на изготовление часов. Нужда и лишения армейские неужданы — ничто не сломило его воли. Дни и ночи мастерил он эти вятские простым глазом несущершны, колесики, винтики, упоры.

И вот они перед нами, эти чудесные часы, отличающиеся не только изяществом отделки и прочностью, но и необыкновенной точностью хода. Слава о «вятском чудодей» долетела до столицы.

Вскоре оно стало известно и в городах Москвы, из разных городов России в далекую Вятку стали поступать заказы...

За свою жизнь Бронников с сыновьями сделал десять деревянных часов, сохранившихся ему мировую славу.

Я. РЫЖИКИН

г. Киров.

КРОССВОРД

Составил С. Сумароков.

По горизонтали:
 4. Выбранный руководителем органа собрания. 6. Способ передвижения животных на расстоянии. 7. Химический элемент. 8. Вещество, занимающее промежуточное место между проводниками и изоляторами. 12. Конвейерная система производства. 13. Получение. 15. Промышленная деятельность. 16. Первоисточник информации. 17. Свидетельство об окончании курса. 18. Последователь передовых научных методов в биологии. 19. род животного. 20. Вид животного.

По вертикали:
 1. Кочевники. 2. Период. 3. Длительность жизни животного. 4. Вид животного. 5. Вид животного. 6. Вид животного. 7. Вид животного. 8. Вид животного. 9. Вид животного. 10. Вид животного. 11. Вид животного. 12. Вид животного. 13. Вид животного. 14. Вид животного. 15. Вид животного. 16. Вид животного. 17. Вид животного. 18. Вид животного. 19. Вид животного. 20. Вид животного.

Осторожно! Голуби!

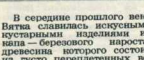
Совсем недавно в Москве, на Петровских линиях, где по инициативе разгудятки больше стал голубей, вывешены и в городе до сих пор не выданный дорожный знак в виде щита с черным треугольным изображением два белых голубя. Он предупреждает водителей автомобилей: «Осторожно! Голуби!». Если на этом участке разрабана со скоростью не более пяти километров в час.

История нового знака такая. Однажды ученики 170-й школы Свердловского района Москвы Юра Вайнгейн увидел, как быстро промчавшись по Петровским линиям легковая автомашинка поманила голубя. Юра подобрал птицу и выложил ее. После этого мальчик написал письмо в «Пионерскую правду».

«Я очень люблю голубей», — говорилось в письме. — Это не просто красивые птицы, а символ мира. Но некоторые шоферы ездят невнимательно и давят их. Заставьте водителей, водителей машин соблюдать осторожность в тех местах, где много голубей. Мы, пионеры, будем вам за это очень благодарны».

Редакция переслала письмо пионеров в Оргдел регулирования уличного движения. Прошло некоторое время, и на улицах столицы появились новые дорожные знаки. Таких знаков нет ни в одной стране мира.

О. МОИСЕВ

ЖИВОРОДЯЩАЯ РЫБА

Своеобразен животный мир озера Байкал. В его водах встречается около пятисот видов и разновидностей растений и свыше тысячи видов животных. Большинство из них нигде, кроме Байкала, не распространено.

Едва ли не самым интересным обитателем Байкала является рыба голюмия. Это небольшая беззубая с ирвовым оттенком рыбка без чешуи длиной до 18 сантиметров. Голюмия прозрачна, словно не можно прочесть текст, написанный крупным шрифтом. Это объясняется тем, что рыба почти целиком состоит из бесцветного жира, а сильные бури голюмию иногда вырывают на берег. На озере жир плавает, и рыба как бы тает, оставаясь лишь светлая и вязкая. Взрослые плавающие в глубоководных отстойниках, а крупные очень длинные. Живет она на глубине 500—700 метров. Рыба голюмия не мечет икры, а рождает живых мальков.

Н. МАКАРОВ

В ИНСТИТУТСКОЙ СТУДИИ

Многие студенты Новокосинского политехнического института увлекаются скульптурой, скульптурой, резьбой по дереву. При институте организована художественная студия. Занимается любимым делом приходит сюда не только студенты, но и жители города — молодые рабо-

чие, служащие. Среди ребят молодежи есть немало увлеченных пейзажной, натюрмортов, портретов, скульптур. На сцене: руководителем студии художник Г. В. Веда объясняет оборудование рабочего завода горнодобывающей промышленности Ирине Шилькиной.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урнин.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Ид. № 453.

Завая 1308.

Тел. Д 3-34-34.

А 05748. Подписано на печати 24/У 1956 г.

Тираж 250 000 экз. 1,75 бум. л. — 4,8 чет. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

На первой странице обложки: Самый молодой человек нашего государства — Урль Байнройской АССР, Саша Митичев. «Я тоже носитель» — смеется он. Фото Ю. Чернышева. На четвертой странице обложки: «Лето» С. Мартына Т. Гиевской.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жукос, В. Кулемин, М. Лукин

Технический редактор О. Шова.

Юрий КРУГЛЯК

Про тех, что сердца разбивают

Расколыхь грохот — и мать бранится,
За звезда оконные шуршат миллицы.
В столовой грохочь тарелку иль чашку,
Слопна возмещешь ущерб этот тыжкий.

А сердце ж не утварь из шкафа
Даст трещину — тут починить ^{посуного:} дело
Зря все же людей, что сердца ^{труднее:} разбивают,
К ответу суровому не прилежат.

Перевел с украинского
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ.

Детел

Б. АГУБЕНКО

Павлиньи перья

Каждое утро Ворон по многу
часов просиживает у зеркала.
Перышко и перышко подглядывает
он павлиний наряд по своей
мере. И когда вылетел из гнезда,
все птицы провозгласили его
завистливым взглядом: хоть и
мал ростом, да все ж «Пав-
лин».

На одном из лесных собраний
«Павлина» увидела Галка и,
очарованная, застыла на своей
ветке.
— «Какие красивые перья!» — вос-
хищалась про себя она. — У самой
Жир-птички и то, пожалуй, таинкх
не было!

И с этого дня превратилась ее
семейная жизнь с черномазым
Грачом в канючий водоворот.

Ссоры, упреки, слезы... И на-
конец — Не могу больше жить с то-
бой, Грач! Давай развод!

Потушил Грач, погоревал; развод
не чаял он в своей Галке, но
развод дал: насильно мил не
бурются!

Счастливая, прилетела Галка
к «Павлину» на работу.
— Я теперь с тобой навсегда,
павлин!

Самарка притыла и цвела.
Пришли, Сбросила «Павлин»
свои перья, и себе домой. А
Галка притыла и цвела.

Пришли, Сбросила «Павлин»
свои перья, и только тут уви-
дела Галка перья своей, обман-
новенной Ворона.
Что ни говори, перья — вещь
исварная.

Анатолий КОСМАТЕНКО

Воробей

Басня

— Слышал? — Грачу чиринуль
Воробей! —
Толкует, иначе Копь
сплотнудся;
Его, помалуй, спорнать, ей-ей,
Синтай, со слухом соавнурился.
Вот радость для любой из
дури!
По совети сказать, наш Копь
ведь был растопан! —
— Кто б воробей, — замечет
Грач —

А ты... Уме молчал хотя бы!
Мой-то память не стара:
Не так ты пал позавчера,
Надо спешия и нему поесть
досасть!
Нарпоса ты орешь, Копь,
и право, — мелорчат!
И Вот только подумет нужнее,
Станет вновь трудиться
в кюрьто...
Еще не раз к нему заглянеше
ты в кюрьто...

Людей, что схожи с этим
Воробеем,
Обычно мы лодничаем зовем!
Алгоритмовалый переводчик
с украинского
МАРКА ШЕХТЕРРА.

ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ

ченников науки — решил поини-
чить с этой историей и сам, не
вышлося ни в какие экспедиции,
нашел то, что все так долго
искали.

Уа! Ломаный Грош найден!
Но теперь возникла новая за-
бота: что с ним делать, зачем
он нужен?
Об этом раньше, в суматохе
поисков, никто не успел по-
думать...

СТУЛ

Жил-был Стул. Он все время
сидел. Стоило кому-нибудь
сесть на него, как он тотчас
же начинал свое песенку:
— Ох, ох, работы по горло!
И все на меня одного! Кресло,
небось, сидит без дела, а нет,
что помочь.

Когда же садился в Кресло,
то тоже сидел, только
тихоночно, себе под нос, так,
что никто, кроме Кресла, его
не слышал:
— Говне мне работничек! Как
тошно! Как деринчик! Не так
нужно, нужно этак...
Догоди сидеть Стул в комна-
те. Но в конце концов хозяевам
это надоело, и его выставили в
кухню. Теперь он там сидит.
Бедные табуретки!

Рис. Ю. Ворогушина.

В. СИДОРОВ

Рис. А. Кохова.

ШУТКА

ОТНОСИТЕЛЬНО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ГРЯДУЩИХ ВЕКОВ

У карты Вселенной студентов
спор, Откуда и смежа дремлет
И тчетно взымает старости
«Тиче!»
Разве сегодня уютонщик нх!
(В скобках отмену с болшо
сердечной,
Что старости есть и пребудут
вечно.)
Выходит первый. Застигнут бурей.
— Куда направил? — Маруриут!
— Садитесь, товарищ.
Мы предлагаем. Лу ну иль Киптер.
Другой неразлучных троа
Направлены на астероид.
— Волнение ширится среди масс.
Слухи бегут торопливо и жарко.
— Товарищи, слышали?
А Веру еи, — на Марс,
на Венеру!

— Что вы! Ошибка. Не может
быть.
От двух влюбленных и так
разлучити!
Впрочем, другие вести
получены:
Уладилось все, и уладилось
и лучшему.
Новость встречена радостно
бурной:
Влюбленным вручили кольцо
Сатурна!
А вот с опозданием входит она...
Она блава, она болная
И справко нависли веские тучи:
Маль нехалк, мой, остави
одну.
Требует Землю.
В крайнем случае,
Согласна лишь на Лууну...
Но мало таких, а затем
Таинкх не будет совсем...
Карта Вселенной.
Планет кружиж,
Над ними победно реют флажики!

— Ах, безобразник! Ах, хулиган!

— Ну что он пристает к ребенку?
Рис. Г. Козлова.

Ф. КРИВИН

ПРОБЛЕМА ЛОМАНГО ГРОША

Неизвестно, кто первый вы-
сказал гениальную мысль, что
где-то в расположенные комнаты
находится Ломаный Грош. Как
бы то ни было, решение было
его найти.
Старый Советник всевозмож-
ных дел Молоток в ударном по-
ряде стал снаряжать экспедици-
ю на розыск Ломаного Гроша.
Специально для этой цели
из стены был отозван Грош,
который раньше поддернивал
так вешалку. Вешалка рухнула,
но не покоронила под собой
блестящей идеи отыскания Ло-
маного Гроша.
Затем стали подбирать членов
экспедиции. Кто-то высказался
за кандидатуру Веника, кото-
рый превосходно знает мест-
ности и у которого специальное
образование. Но эту кандида-
туру сейчас же отвергли по
вполне понятной причине: у
Веника родственница в перед-
ней — Поповая Трипка. А у
Поповой Трипки, как известно,
поведенная репутация.
После долгих раздумий и со-
ветов в экспедицию нанонеч

были назначены три члена: кри-
стально чистый Станан, поли-
рованный Шинаф и него все было
гладко и Плевательница. По-
следняя хоть и не отличалась
особенной чистотой, но за нее
ручалась кристально чистый ста-
кан.
Долго работала экспедиция.
Долго, но безуспешно. Кри-
стально чистый Станан в самом
начале розысков раздобыл где-
то под кроватью, Шинаф приня-
л участие в экспедиции толь-
ко косвенно, давая разные со-
веты, потому что не мог без
посторонней помощи соединить-
ся с места, а Плевательница
хоть и могла сдвинуться, да не
хотела, потому что отнеслась к
делу несерьезно, наплеватель-
ски.
Стали искать новых кристаль-
но чистых членов экспедиции,
в результате членов экспедиции,
чашин, тарелки и блюдца заюни-
чили свое существование на
славном порпиче отыскания
Ломаного Гроша.
Веник, которому прибавилось
работы — убирать останки му-

Цена номера
2 руб.

